

Тозра Лагуз

СВЕТ ЛУННОГО НЕФРИТА

Тозра Лагуз

Свет Лунного нефрита

«Литнет»

2026

Лагуз Т.

Свет Лунного нефрита / Т. Лагуз — «Литнет», 2026

Ли Шуан — юная наследница трона, которая должна выйти замуж, чтобы стать императрицей. Ее ждут политический брак, борьба за власть, дворцовые интриги. А сердце ищет истинную любовь. После смерти отца Ли Шуан остается одна — без защиты, без права на слабость. Единственный, кто приходит на помощь, — загадочный даосский мастер, старый друг императора. Он приносит во дворец тайну Лунного нефрита, сила которого способна защитить империю и исцелить любую рану. Но бесценный артефакт поврежден. Лин Ци Сюй — принц варварского княжества, прибывший в столицу как заложник. Одинокий чужак, он привык к холоду и презрению, носит маску безразличия и никому не доверяет. Внутри него разрастается тьма — демоническое ядро, которое делает его опасным для всех, особенно для той, кого он полюбит. Возможно ли, что между отчужденностью и недоверием родится чувство, ради которого юноша будет готов пожертвовать не только властью, но и собственной жизнью? Книга — победитель конкурса «Когда цветет сакура» в номинации «Выбор блогера». В ней есть: #Первая_любовь#Любовь_через_преодоление#Холодный_герой_с_тайной#Полит

© Лагуз Т., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Последняя воля императора	8
Глава 2. Наследница империи	24
Глава 3. Запутанные отношения	40
Глава 4. Первые шаги правителя	58
Глава 5. Церемония совершеннолетия	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Пролог

Юэ Юй[1] плыл в бледно-сером мареве, не видя ни начала, ни конца. Его ум был свободен от желаний и стремлений, душа не ведала ни страха, ни страсти. Он был спокоен и безмятежен, не знал ни преград, ни сомнений, подобно воде, вечной и переменчивой.

Впереди разлилось мягкое жемчужное сияние, рассеяв мутный сумрак. Оно было теплым, как луч весеннего солнца, и в то же время льдистым и чистым, как морозный рассвет. Оно влекло к себе, манило приблизиться поскорее, но Юэ Юй не испытал любопытства или жажды обладания, сердце его билось ровно и спокойно. Мастер лишь любовался открывшейся ему прекрасной картиной.

Идеально ровной формы круглый нефрит, прозрачный, чистейший камень, квинтэссенция прекрасного и воплощение стремления к совершенству — вот что сияло перед его взором.

Он не услышал обращенных к нему слов, но почувствовал их сразу и сердцем, и разумом.

Юэ Юй открыл глаза. Он знал, куда направится теперь.

Спустя долгое время мастер даочжань[2] Юэ Юй спустился с горы, носившей название «Пик Небесного света», и основал у ее подножия школу Лунного нефрита. Говорили, что внутри школы, во внутренних покоях мастера, в особой шкатулке хранится бесценный артефакт — крупный камень лунно-белого цвета идеально ровной формы, излучающий внутреннее сияние и обладающий мощной ци[3] и целебными свойствами. Говорили, что владелец нефрита способен будет достичь бессмертия, но лишь тот сможет им завладеть, кто не стремится обрести его для себя. Говорили разное, но сам чудесный камень никто и никогда не видел.

Поток паломников к подножию пика Небесного Света, желающих хоть на секунду узреть прекрасную диковину своими глазами, не иссякал долгие годы. Многие просили мастера взять их в ученики. Но отбор в школу был строгим, а школа малочисленна, и со временем люди перестали досаждать даочжаню пустыми просьбами.

Учитель Юэ Юй был истинным духовным наставником, из тех, кого называли чистыми сердцем. Он не стремился ни к славе, ни к почестям, и никогда не называл себя владельцем чудесного нефрита, хоть и не оспаривал мнение, что камень находится в его школе.

Слухов ходило множество, но не было ни одного человека, готового подтвердить, что его глаза видели уникальный Лунный нефрит воочию.

Когда же Юэ Юй отправился к Желтому источнику[4], по миру духовных искусств прошел слух, что перед смертью мастер унес из школы и спрятал Лунный нефрит, и никто не знал, где его искать. Бесценный артефакт бесследно исчез.

[1] Юэ Юй (## Yuè Yù) — «Лунный Нефрит».

[2] Даочжань (## dào zhǎng) в китайском языке означает «даосский священник» или «старший монах в даосизме», состоит из иероглифов: 道 (dào) — «путь», «дао» (философское учение), 长 (zhǎng) — «старший», «начальник», «руководитель» (Википедия).

[3] Ци 气, (Qì) — одна из основных категорий китайской философии, фундаментальная для китайской культуры, в том числе и для традиционной китайской медицины. Чаще всего определяется как «эфир», «воздух», «дыхание», «энергия», «жизненная сила». Ци выражает идею фундаментальной, континуальной, динамической, пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетической субстанции, которая лежит в основе устройства Вселенной, где все существует благодаря ее видоизменениям и движению (Википедия).

[4] «Отправиться к Желтому источнику» — перейти в загробный мир, умереть (Кибер-ленинка).

<https://shdevrum.ai/post/097aad40344b11f18714967b989d26ae/>

Друзья! Добро пожаловать в историю о поиске любви, равновесия, силы и мира!

Чтобы погружение в мир азиатского фэнтези прошло легко, буду сопровождать незнакомые слова сносками, опытные пловцы — смело их пропускайте.

Появление в тексте нового персонажа будет сопровождаться его портретом, каким его видим мы с Шедеврумом. Но, возможно, у вас сложатся свои образы, будет здорово, если поделитесь ими.

Если книга вас заинтересовала, буду рада вашим звездочкам и комментариям!

Глава 1. Последняя воля императора

1.

Две фигуры в пурпурных мантиях дворцовых сановников, отмеченных знаками отличия старшего и младшего советников императорского двора, неспешно прогуливались по голым серым камням Запретного города[1].

— Лекарь сказал по секрету, что Его Императорское Величество совсем плох! Несмотря на возраст расцвета, проклятая черная лихорадка поглотила его целиком за каких-то полгода! Что же будет, уважаемый господин Чжан Е[2]?

— Надо готовиться к сложным временам. “Когда дерево сохнет, листья опадают”[3]. Слышал, великий Сын Небес повелел еще до рассвета вынести его на носилках в сад, усадить у старой смоковницы и призвать к нему принцессу Ли Шуан[4]. Та с самого раннего утра находится подле отца, а он и говорить уже почти не может, храни его небо!

— А еще я слышал, что Его Величество хочет сделать свою единственную дочь наследницей трона. То-то разозлится императорская наложница! Она до последнего надеялась, что титул наследного принца получит ее сын!

— Наследная принцесса Ли Шуан — старшая законная дочь, единственное дитя императрицы. Пусть она дева, но ее права на небесный престол непреложны!

— Да-да, полностью разделяю вашу позицию, уважаемый господин Чжан! Но принцессе Шуан тяжело придется, удержать власть в руках в столь юном возрасте нелегко... Да и Империя Цзин[5] ослаблена, ведь война только-только закончилась.

— И все же закончилась справедливой победой небесного императора! Не стоит принижать успехи Цзин-го, наш правитель явно пользуется благосклонностью богов! К тому же я знаю, что его императорское величество уже вызвал во дворец какого-то советника для юной наследной принцессы — бессмертного даоса, известного своей мудростью и твердостью характера.

— А я слышал, что этот северный варвар, князь Ханьци[6] так просто не смирился с поражением. Да и в залог мира отдал самого младшего, слабого и нелюбимого сына. Будто заранее пожертвовал им, как разменной монетой.

— Как удивительно хорошо осведомлен господин помощник главного распорядителя дворцовых ритуалов! Недаром говорят, что к сановнику Гао Цзюню[7] каждый листочек с дерева в руки летит, а ветерок в ухо шепчет! Был бы рад удостоиться чести познакомиться с источником сведений господина Гао.

— Что вы, уважаемый господин Чжан перехваливает этого бесталанного слугу!..

Свернувшую на скользкую тропу беседу прервали три гулких удара колокола.

— О, слышите? Колокол прозвенел!

— Великий Сын Неба скончался! Какое горе, какая утрата для всей Цзин-го!

Оба советника пали на колени тут же, на холодные камни Запретного города и незамедлительно начали ритуал скорби по ушедшему Императору Ли Вэйлуну[8]. Зарядивший с неба мелкий осенний дождик сделал это утро в осиротевшей империи Цзин еще тоскливее.

[1] Запретный город — в книге: императорский дворцовый комплекс, в который был запрещен вход простым жителям. Имеет несколько исторических прототипов, один из которых — Гугун, расположенный в Пекине, бывший резиденцией китайских императоров и являющийся мемориальным комплексом под охраной ЮНЕСКО (Википедия).

[2] Чжан Е ## (Zhāng Yè) — “Открытый к сиянию”.

[3] Цитата из «Книги изречений» Тое Эйте, из сборника «Афоризмы старого Китая» в переводе и редакции В.В. Малявина. — СПб: Издательская группа «Азбука Классик», 2025.

[4] Ли Шуан ## (Lǐ Shuāng) — «Стойкий Иней/Изморозь», но также иероглиф # (Ли) м.б. переведен как «слива».

[5] Цзин # (Jīng) — «умиротворять, умирять, устанавливать мир». Название империи Цзин можно трактовать как «Государство Спокойствия», что отражает мечту правителя о будущем для своей страны.

[6] Ханьци ## (Hánqì) — «Холодная пустыня».

[7] Гао Цзюнь ## (Gāo Jùn) — «Выдающийся и талантливый».

[8] Ли Вэйлун ### (Lǐ Wēilóng) — «Могущественный/благородный дракон».

2.

Юй Шань[1] легко вздохнул и немного поежился, возвращаясь из духовного мира, в котором путешествовало этой ночью его сознание, в сегодняшнее холодное утро. Он открыл глаза и оглядел расцвеченные зелеными и золотыми красками верхушки соседних гор. Красота осеннего пейзажа была приглушена полупрозрачным покрывалом предрассветного тумана. Здесь, на небольшом уступе пика Небесного Света, где стояла уединенная беседка для медитации, казалось, что природа напоена тишиной и спокойствием.

Он медленно достал из рукава и снова развернул свиток с сорванной императорской печатью, перехваченный черной шелковой нитью. Взгляд его быстро скользнул по слабым размашистым иероглифам и задержался на подписи внизу: это был би-хань — личное письмо, написанное рукой самого Императора, ослабевшей от постигшей его болезни.

Письмо для Юй Шаня привез вчера вечером курьер из Запретного города вместе с верительной печатью. В письме Ли Вэйлун просил прибыть в столицу и оказать поддержку его дочери, наследной принцессе Шуан. То, что император написал о своей просьбе собственноручно, могло говорить как о том, что он хотел обратиться к лучшим чувствам старого друга и напомнить ему о далеких годах, когда они были близки, как братья, так и том, что правитель опасался лишних ушей и длинных языков во дворце.

Полученный би-хань заставил Юй Шаня провести эту ночь в медитации, размышлениях о неожиданной просьбе и воспоминаниях.

В последний раз он разговаривал с императором шесть лет назад, когда Ли Вэйлун пригласил Юй Шаня во дворец, чтобы обсудить задуманные им изменения. В то время император только начал объединять земли и решил, что и религия в стране должна быть единой. Поглощенный стремлением взрастить великую империю и поддерживаемый несколькими старыми советниками, оставленными Ли Вэйлуном у трона, правитель выбрал основной духовной опорой конфуцианство, которое во главу учения ставило постулат о единомыслии и сильной основе.

Тогда Юй Шань, один из старейшин даосской школы Лунного нефрита, провел несколько часов наедине с Ли Вэйлуном, убеждая бывшего друга детства не торопиться, приводил примеры из истории и цитировал древних философов. Речи его были пронизаны тревогой о нарушении равновесия в мире, которое воспоследовало бы за столь явным возвышением одного учения в противовес упадку других.

И все же император остался непреклонен. Старая дружба не выдержала испытания властью и долгом. Возможно, глупо было надеяться, что она может что-то значить после стольких лет, ведь Юй Шань покинул столицу, когда ему исполнилось пятнадцать, уехал учиться далеко к горам, возле которых разместились основные духовные школы.

Они с Ли Вэйлуном рассорились. Юй Шань был так расстроен, что, вернувшись в городок Гуаньцзяо[2], не захотел даже навеститься в школу Лунного нефрита, где его ждали братья и

ученики, а сразу поднялся на пик и ушел в многодневное затворничество. Лишь иногда мастер спускался в мир смертных, отказавшись от участия в делах школы.

А вскоре после этого по всему Цзин-го[3] разнеслась весть, что указом императора даосские и буддийские школы должны быть распущены. Скорбь и смятение немногочисленных учеников школы Лунного нефрита, вынужденных распрощаться друг с другом и разойтись по свету, все еще стояли перед его внутренним взором.

Юй Шань задумчиво повертел в руках снова развернутый им би-хань императора. Письмо не содержало ни одного сожаления по поводу их ссоры и действий правителя, которые к ней привели. Оно выражало лишь его последнюю просьбу. Также император уверял, что составил несколько указов, которые наделят Юй Шаня особыми полномочиями, помогут утвердиться у трона и не позволят советникам двора ему помешать. Ли Вэйлун в письме беспокоился, что его многолетние труды по объединению земель империи Цзин будут уничтожены, как только он умрет, и страна вновь погрузится в хаос междоусобиц.

Тон письма подразумевал, что Юй Шань согласится исполнить последнюю волю императора, это было похоже скорее не на просьбу, а на приказ. Должен ли он был забыть обо всем произошедшем в последние годы и смиренно повиноваться словам Ли Вэйлуна? Или стоило предоставить наследницу своей судьбе? И мог ли он пренебречь своей основной задачей ради просьбы бывшего друга и императора? Мастеру было, о чем задуматься.

[1] Юй Шань ## (Yú Shān) — «Нефритовая гора».

[2] Гуаньцзяо (## — Guāngjiǎo) — «Подножие Света».

[3] Цзин-го — то же, что и «империя Цзин», «го» # (Guó) — государство.

<https://shdevrum.ai/post/4db15762341911f1a08726cac9ce6068/>

3.

Даже до Юй Шаня, проводившего почти все время в одиночестве в маленьком домике на пике Небесного Света, долетали слухи о том, что последняя война подкосила благополучие Цзин-го, к тому же, этот год оказался для страны не слишком урожайным. Пусть в только что закончившемся решающем сражении с княжеством Ханьци императорские войска одержали победу, вынудив князя Лин Чэ[1] отдать часть земель за рекой Цзехэ[2] и отправить в столицу одного из сыновей в качестве заложника. Если в империи не окажется сильного правителя на троне, князь Ханьци сможет захотеть вернуть земли обратно. Вряд ли Цзин-го тогда выдержит новый натиск воинов с севера.

Мужчина хорошо понимал, что оставшийся без главы Запретный город окажется лакомым куском для жаждущих богатств и власти, а юная принцесса Ли Шуан станет козырной картой в руках умелых и циничных игроков. И эта игра начнется тут же, с первым похоронным ударом дворцового колокола. Терзаемая борьбой за власть страна превратится в легкую мишень для внешних врагов, которые не преминут воспользоваться ситуацией.

Однако для Юй Шаня оставалось загадкой, почему Ли Вэйлун решил обратиться именно к нему? Они не общались шесть лет — достаточный срок, за который любой человек может измениться. Под небом неизменно лишь дао, и Юй Шань знал про себя, что он уже не тот юный даосский мастер, который старался убедить Сына Неба в мудрости умеренного пути, пересыпая собственную речь изречениями бессмертных. Ум императора, закаленный годами власти, также не мог не понимать этого. Более того, Ли Вэйлун знал, что разочаровал бывшего друга своими решениями и действиями. Неужели этот человек был заранее уверен, что Юй Шань отринет все обиды и разногласия ради старой дружбы и исполнения последней просьбы, высказанной на смертном одре? Вступит в начавшуюся игру как фишка вэйци[3], направленная рукой умирающего правителя?

Этим размышлениям Юй Шань посвятил всю ночь, проведенную на одиноком уступе пика Небесного Света. Рассвет застал мужчину в состоянии полной внутренней тишины. Сомнения, посетившие его душу и разум вслед за словами умирающего императора, умолкли, на смену им пришла решимость, а вместе с ней безмятежность.

Он свернул би-хань и перевязал его шелковым шнурком. В следующую минуту Юй Шань нахмурился. Мужчина не услышал, но ощутил, как будто всей кожей, как воздух содрогнулся от далеких ударов колокола в Запретном городе. Отсюда до Юньани, столицы Цзин-го, было около двух недель пути и, разумеется, уловить похоронные звуки ухом на далекой горе было невозможно. Чуткое натренированное восприятие мастера распознало эманации нарушения равновесия, которые уже начали собираться над небом империи Цзин со смертью ее правителя. Юй Шань снова вздохнул, негромко произнес:

-- Ли Вэйлун, прощай. Пусть твой путь к берегу Дао будет скорым. Вряд ли мы быстро увидимся. Этот бедный даос еще не выполнил всего, что должен.

Он слабо усмехнулся, встал, отряхнул простые белоснежные одежды, спрятал би-хань в рукав и пошел к дому. Спустя полчаса Юй Шань вышел с небольшой дорожной сумкой, перекинутой на ремешке через плечо, и направился по спускающейся вниз тропинке к маленькому городку Гуаньцзяо. Спина даочжана была идеально ровной, походка размеренной, а движения плавными, как течение полноводной реки. Казалось, будто сама безличная воля дао вела его, предначертая стать то ли спасителем для юной наследницы, то ли источником перемен для всей империи, то ли фишкой в игре, затеянной судьбой.

[1] Лин Чэ ## (Líng Chè) – «Ледяная решимость».

[2] Цзехэ — (## — Jiè Hé) — «Пограничная Река».

[3] «Вэйци», другое название «го» — настольная игра с глубоким стратегическим содержанием. Представляет собой размеченную линиями доску, на которой два игрока стараются оградить своими камнями (фишками) как можно большую территорию (Википедия).

4.

Гуаньцзяо встретил Юй Шаня обычной полуденной суетой. Несмотря на поэтическое название, “Подножье горы просветления”, это было самое обычное поселение, возникшее, когда в округе у Восточных гор стали селиться бессмертные даосские и буддийские мастера, собиравшие вокруг себя учеников.

Расположенные вокруг Гуаньцзяо школы, хоть и принадлежали к разным конфессиям, жили в мире и ладу друг с другом, а если конфликты между совершенствующимися и случались, то их Главы школ находили решение. Поэтому Гуаньцзяо быстро разросся и обзавелся большим рынком и несколькими постоянными дворами на разный вкус и кошелек. В одном из них, “Приюте лотоса”, Юй Шань иногда останавливался, когда была в том нужда. Немного подумав, он и сейчас направился туда.

Его фигура, облаченная в аккуратно запахнутые строгие белоснежные одежды с притороченной к поясу даосской метелкой[1], привлекала внимание прохожих на улицах. Казалось, за годы, прошедшие после указа о роспуске духовных школ люди отвыкли видеть мастеров-бессмертных и недоумевали, что забыл здесь этот изящный мужчина, шедший, как будто не касаясь земли, с таким бесстрастным и суровым лицом, словно разумом он находился в далях, недоступных простым обывателям.

Юй Шань не мог не заметить, как изменился город за это время. Половина торговых лавок была заколочена, несколько прежде всегда переполненных постоянных дворов теперь стояли пустыми, сиротливо распахнув ворота. Пропали уличные музыканты и торговцы со своими лотками, да и обычных прохожих сильно поубавилось. Даже краски города будто потускнели. Мастер, хоть и провел эти годы в одиночестве, отлично понимал, что на жизни городка не мог не отразиться указ о роспуске школ.

До города еще не добралась весть о кончине императора, и на улицах не были вывешены траурные флаги. Жизнь в нем текла своим чередом. Однако это был уже не тот веселый шумный город, каким его помнил Юй Шань с юности, с тех лет, когда еще учеником, приходил на городской рынок с поручениями Главы школы.

Хозяин “Приюта лотоса” обрадовался появлению гостя, как родному отцу. Он просиял улыбкой.

— Бессмертный даочжань! Как давно мы не виделись! Счастлив узнать, что вы в добром здравии! Желаете остановиться в нашей гостинице?

— Не сегодня, хозяин Лю. — Юй Шань покачал головой, видя, как расстроился тот, услышав его ответ. — Этот бедный даос вынужден спешить и не сможет насладиться сполна вашим гостеприимством. Однако я бы с радостью отдохнул немного и отведал вашей знаменитой лапши с овощами.

— О, разумеется! — Хозяин лично проводил гостя к столу и налил свежего чая.

— Я заметил, что на улицах Гуаньцзяо теперь не так оживленно, — начал разговор даос. — Я давно не был здесь, расскажи, как шли дела все эти годы?

— Не знаю, как и ответить вам, бессмертный даочжань, — вздохнул господин Лю. — Хоть наш город и далек от столицы и войска императора, но налоги мы ведь вынуждены платить, как и все в империи. После того, как духовные школы закрылись, город опустел, никто больше не приезжает к нам в надежде увидеть бессмертного и поступить в ученики. А лето в этом году выдалось холодным, да еще, помните, град выпал? Почти весь урожай побил! Не иначе, как боги прогневались. На рынке торговля идет тоже не очень-то бойко. Вот и получается, что обрадовать даочжана этому скромному человеку нечем.

— Скажи, а остался ли кто-то из мастеров в школах или, может быть, в городе?

— Ох, даочжань, по правде, если кто и остался, то этот скромный человек не знает о таком. Давно уже не было видно никого из бессмертных и их учеников. Школы опустели, никто не осмелился нарушить волю Сына Неба.

— И в школе Лунного нефрита никого не осталось? — помрачнел Юй Шань.

Хозяин, видя, что его слова еще сильнее расстроили мастера, лишь скорбно покачал головой. В это время с кухни принесли лапшу, и господин Лю поспешил оставить гостя одного.

Лапша в «Приюте лотоса» была по-прежнему восхитительна, однако мужчина съел от силы половину миски, отложил палочки и задумался, слегка постукивая пальцами по светлой бамбуковой столешнице. Затем он достал из мешочка и оставил на столе небольшой слиток серебра, явно превышающий стоимость обеда, подхватил сумку и встал.

Проводивший его до дверей хозяин Лю заметил, что лицо бессмертного мастера преисполнилось тревоги, но снова решил промолчать и лишь выразил надежду о новой скорой встрече с даоджанем.

Выйдя за порог, Юй Шань слегка вздохнул и решительно направился в сторону городских ворот. Он должен был увидеть все своими глазами прежде, чем отправиться в столицу и начать действовать.

Спустя час он вышел к живописному склону горы, на котором расположились здания духовной школы, обнесенные строгим черным забором. Мужчина перешел по выгнувшему спинку деревянному мостику через быстрый ручей и приблизился к закрытым воротам. На их верхней перекладине красовалась сияющая белым надпись: «Школа Лунного нефрита». Створки ворот были заперты, однако мастер протянул к ним правую руку в мудру[2] ключа, собрав в нее немного ци, негромко произнес заклинание, и те распахнулись сами собой, пропуская даочжана внутрь.

[1] Даосская метелка — символический предмет, используемый монахами как олицетворение очищения и артефакт для изгнания мирских желаний, дурных мыслей и злых духов (Википедия).

[2] Мудра — символическое, ритуальное расположение кистей рук, ритуальный жест для концентрации духовной энергии (Википедия).

5.

Школа встретила своего старейшину тишиной и запустением. На вымощенной светлыми плитками дорожке перекатывались, шелестя, пучки тонких обломанных веток. Землю покрыли красноватые листья, похожие на пятна засохшей крови. Высокая нескошенная трава жаловалась ветру, кивая сухими стеблями.

Юй Шань свернул на тропинку, ведущую через сад к внутренним зданиям школы, в которых жили мастера и ученики. Сливы в саду разрослись, несколько ветвей иссохли и норовили ухватить внезапного гостя за одежды своими черными узловатыми пальцами.

Мужчина прошел мимо некогда жилых домов, заглядывая в комнаты. Всюду царил унылый, мертвый порядок: ни клочка бумаги, ни забытой ленты для волос — ни единого признака жизни. Сердце Юй Шань сжалось в тоске, в горле встал ком.

Он вспомнил, как, вместе со всеми выслушал, стоя на коленях, указ императора. Это случилось весной, и перед глазами его снова возникла площадь школы, пронизавший воздух аромат цветущей сливы мэйхуа и склоненные головы учеников и двух старейшин — его собственных шисяна и шиди[1]. Как и положено адептам даосской школы, они приняли удар судьбы безропотно. По черноволосым головам, склоненным к усыпанным бело-розовыми лепестками серым камням, нельзя было понять, что чувствуют они на самом деле. Никто из них не произ-

нес ни слова упрека или жалобы. Однако сам он с тех пор часто думал, мог ли найти тогда, в Запретном городе, другие, лучшие слова для Ли Вэйлуна и убедить его выбрать другой путь?

С того дня Юй Ши не любил запах цветов сливы[2].

Мужчина медленно прошел вглубь школы, и шаги его становились все тяжелее. При виде последнего строения, строгого и простого, стоявшего немного в стороне от других, его сердце забилося сильнее. Это были покои даоцзуня[3] Юэ Юя. В последний раз он входил сюда, призванный умирающим учителем, семь лет назад. Даоцзунь захотел увидеться со своим лучшим учеником, чтобы поведать тайну и проститься.

Юй Шань поднял голову и, в который раз, прочел начертанный на фронтоне дома девиз учителя: «Отринь свои чувства, наполни разум и душу светом и познай пустоту», покачал головой и поднялся по двум широким ступеням на крыльцо дома. Он миновал дверь, обогнул здание по узкой террасе, опоясавшей его по кругу. Позади к террасе был пристроен узкий мостик, ведущий к скале, возле которой была сооружена небольшая купальня.

Мастер прошел по нему и взгляделся в воды двух маленьких бассейнов, выбитых в сером камне. Один из них, ближе к входу и шире, был наполнен прозрачной водой и усыпан сухими листьями и опавшими цветами. Тонкая струйка чистой горной воды, стекавшая в бассейн, слабо журчала, тщетно пытаясь вернуть сердцу застывшего перед ним человека успокоение. Юй Шань не смотрел на него, взгляд его был обращен к дальнему бассейну, маленькому и подернутому белесой дымкой, парящей над его поверхностью.

Как будто очнувшись ото сна, мужчина качнул головой и сделал несколько шагов, подойдя к самому его краю. Он взгляделся сквозь туман в темную воду, но не смог ничего рассмотреть. Ему было необходимо убедиться, что главная ценность школы все еще на месте. Умом он понимал, что мастер его уровня непременно ощутил бы, если бы кто-то попробовал вскрыть тайник и нарушить охранное заклинание, но дух его пребывал сейчас в смятении.

Юй Шань протянул обе ладони вперед и закрыл глаза, сосредотачиваясь. Вскоре с кончиков его пальцев сбежали тонкие светящиеся струйки энергии ци, и туман поднялся к ним навстречу, окутав руки даочжана. Когда туман поднялся над водой, изнутри на ее поверхность всплыл небольшой ларец черного дерева, украшенный перламутром.

Мастер открыл глаза, свел ладони вместе и поклонился ларцу. Затем он снова развел руки и сделал приглашающий жест. Ларец качнулся, как будто секунду раздумывал, откликаться ли на зов мастера, и немного придвинулся в его сторону. Мастер прошептал что-то, и крышка ларца распахнулась.

Внутри на красном бархате лежал белый камень совершенной круглой формы. Его жемчужно-матовая белизна, изливающая мягкий свет истинной ци, могла вызвать благоговейный трепет не только у непосвященных, но и у бессмертных мастеров. Однако Юй Шань при виде сокровища лишь нахмурился.

Мастер снова поманил ларец рукой и, когда тот приблизился еще на полшага, внимательно взгляделся в камень. Вдруг глаза его расширились, а сам он в ужасе подался назад: в самом центре прекрасного нефрита мужчина заметил небольшое пульсирующее багровое пятнышко. На несколько секунд он застыл, сосредоточенно размышляя, затем протянул ладонь над камнем, не касаясь его, и едва заметная темная дымка пронеслась легкой струйкой от поврежденного нефрита сквозь его пальцы. Он попытался было взять камень в руку, но тут же отдернул ее, словно обжегся о невидимый барьер. Тогда Юй Шань взмахнул рукой, как будто отсылая артефакт обратно. Крышка ларца тут же захлопнулась с глухим щелчком, а сам он снова погрузился в темную воду.

Мужчина протянул руки к воде, сложил пальцы в мудру сокрытия, собрал на их кончиках ци и послал ее вниз. Поверхность бассейна затянуло белой дымкой тумана, который стал еще плотнее и полностью укутал собой его гладь.

Юй Шань постоял еще несколько минут, а на лице его легкими тенями промелькнули вина, печаль и сомнения. Затем оно снова стало спокойно, а во взгляде отразилась сдержанная решимость. Мужчина развернулся и пошел обратно, к выходу из школы. Здесь ему пока было больше нечего делать.

[1] Шисюн и шиди — «старший брат в учении», «младший брат в учении», то есть, старший и младший соученики. Юй Шань, выходит, был вторым учеником учителя Юэ Юя.

[2] В этом месте хочется напомнить, что одно из значений перевода фамилии императора Ли Вэйлуна — «плодоносящее дерево, слива».

[3] Даодзунь — «уважаемый наставник пути». «Дао» (#) — «путь», «учение» или «дао» в философском смысле, «Цзунь» (#) — «уважаемый», «почитаемый», «высокочитимый».

6.

Восточная дорога, ведущая в Юньань[1], столицу Цзин-го, изобиловала радующими глаз картинами осенней природы. Предгорье быстро уступило место равнине, на которой все еще царили всевозможные оттенки зеленого и желтого: на рисовых полях и травяных лугах, в рощах и в придорожных садах. Иногда эти краски разбавлялись холодными серо-голубыми мазками извилистых рек.

Казалось, вокруг все дышало миром и спокойствием. Однако чуткое духовное ядро[2] мастера то и дело ловило, пока еле заметные, предвестники наступающего разлада: на поля вдруг налетал порыв яростного ветра, или птицы умолкали, не допев свою трель, или дерево сбрасывало все листья лишь с одной из ветвей.

Смерть императора — значительное событие для страны, и стоило ожидать, что устои ее пошатнутся, а волки и шакалы высунут свои морды. Но знаки появились слишком быстро. Неужели уход Ли Вэйлуна спровоцировал более глубокие нарушения силовых линий в мире?

Обеспокоенный этими мыслями, Юй Шань решил поторопиться с прибытием в столицу и прибегнул к цингуну[3]. Легко оттолкнувшись ногой от земли, мужчина воспарил над небольшим лесом. Пролетев около пол-ли[4], он снова оттолкнулся, на этот раз избрав опорой макушку невысокой сосны. Путники, проезжавшие по восточной дороге, даже если и замечали тень, проскользнувшую на миг над ними, и поднимали головы, то разглядеть ничего не успевали — настолько быстра была техника мастера. Таким способом он мог добраться до столицы всего за несколько дней.

На ночь Юй Шань останавливался на постоянных дворах в городах, встречавшихся по дороге. И, хотя в этой местности, в отличие от Гуаньцзяо, закрытие духовных школ не оказало столь сильного влияния на общее благополучие, он заметил, что жизнь людей повсюду стала скуднее: сказывались дополнительные поборы в связи с продлившейся несколько лет войной и несколько лет засухи и неурожая.

В Линнане[5], расположенном в нескольких пеших днях пути от Юньани, до жителей уже донеслась весть о смерти Сына Неба. Весь город был погружен в скорбное молчание, красные фонари и украшения с улиц были убраны, а в людных местах, на воротах поместий местной знати и публичных заведений были вывешены белые флаги. Страна погружалась в стодневный траур[6].

Почти добравшись до Юньани, Юй Шань решил заночевать в известном ему маленьком даосском храме, стоявшем в стороне от основного пути в середине рощи из золотистых кленов. Он хотел помедитировать и подумать в священном месте прежде, чем прибудет в Запретный город.

Храм встретил его умиротворенной тишиной. Пройдя по пыльному полу, мужчина снова удивился, как в этом, заброшенном теперь, месте может сохраняться такая чистая аура, ведь даже алтарь его много лет пустовал. Если здесь и стояла когда-то статуя божества, неизвестно,

что с ней случилось и кому принадлежал храм. Сам Юй Шань наткнулся на него случайно в тот день, когда покинул Запретный город после своей последней беседы с Ли Вэйлуном, опустошенный и разочарованный. Медитация в святом месте помогла ему тогда восполнить силы, привести в порядок мысли и восстановить нарушенную гармонию души. Он надеялся, что и сегодня сможет здесь обрести равновесие перед тем, как вступить в уже начавшуюся игру.

Юй Шань отвязал метелку от пояса, смахнул ею пыль с алтаря и положил на него отломанную у входа ветку с кленовыми листьями. Затем взял в углу старую плетеную подстилку, смахнул пыль на полу вокруг себя и уселся в позу для медитации. Спина мастера выпрямилась и замерла неподвижно, голова немного опустилась, а веки сомкнулись.

[1] Юньань (## Yǒng'ān) — «Вечный Мир», # (Yǒng) — вечный, навсегда; # (Ān) — мир, спокойствие, безопасность.

[2] Духовное ядро в даосизме — это процесс самосовершенствования и трансформации на физическом, энергетическом и духовном уровнях, ведущий к просветлению и долголетию. В жанре «сянься» обозначает глубокое, внутреннее состояние сознания и сущности культиватора, где происходит трансформация, развитие его духовных сил и понимания Пути. Это не физический орган, а скорее сверхъестественное место внутри культиватора, источник его энергии и силы, который можно развивать и совершенствовать для достижения бессмертия (Википедия).

[3] Цингун, цзингун (##, qīnggōng) — это совокупность традиционных китайских техник, направленных на развитие ловкости, равновесия и координации. В рамках ушу он тренирует способность передвигаться быстро, бесшумно и эффективно, включая прыжки, приземления и перемещения по сложным поверхностям. В литературном жанре «уся» (##) и массовой культуре его возможности гиперболизируются, допуская фэнтезийные элементы, такие как бег по воде или взбегание по вертикальным стенам (Википедия).

[4] Пол-ли — мера длины, один «ли» равен примерно 500 метрам (Википедия).

[5] Линнань (## lǐng nán) — “Южнее от горного хребта”, то есть этот город находится южнее гор, откуда держал путь Юй Шань, двигаясь к столице.

[6] «Стодневный траур» — отсылка к самому строгому трауру в течение первых трех месяцев, по истечении которого проводился “обряд ста дней”, когда впервые разрешалось обрезать волосы, тем самым, отмечая послабления в последующем трауре, который мог длиться до трех лет (Киберленинка).

7.

На этот раз даочжаню понадобилось больше времени, чтобы преодолеть барьер и подняться в духовный слой мира. Он услышал, как голос его учителя негромко произносит: «Юй Шань, ощути единение с миром, отпусти свою форму. Дао неисчислимо, не имеет ни начала, ни конца, оно повсюду. Растворись в нем, и познаешь гармонию», и ощутил, как по его щеке пробежала одинокая слезинка.

— Учитель, я предал Вас. Лунный нефрит поврежден. Я должен сделать все для восстановления равновесия и сохранения гармонии. Прошу, помогите мне обрести истинный путь!

Напоминание о своей задаче и долге помогло ему вернуть утраченное спокойствие и погрузиться в медитацию. Какое-то время мужчина не видел, не ощущал и не осознавал ничего, кроме теплого неяркого света, проникающего к его внутреннему ядру и растекающегося тонкими мягкими лучами по телу.

Тут самую сердцевину света пронзила тонкая рябь, он распался на осколки, сквозь которые проявились неясные очертания. Юй Шань услышал мужские голоса: громкий, сотканный из металла, и тихий и жгучий, как змеиное жало. Затем его внутреннему взору предстала неожиданная картина.

Юй Шань замер, поняв, что оказался невидимым и тайным наблюдателем непонятной ему сцены. Двое мужчин сидели в богато убранной комнате на подушках возле низкого резного столика. Кажется, они были заняты какой-то игрой, но эта игра была ему незнакома. Игровое поле походило на макет природного ландшафта, выполненного в технике цзячжи [1] и окрашенного в зеленые, серые и синие цвета, на котором располагались маленькие здания — «города». На столике возле игрового поля были в беспорядке раскиданы несколько костяных фигурок в разноцветных одеждах — будто ребенок разбросал солдатиков или мастер готовил игрушки на продажу, да забыл их на столе. В руках мужчины вертели по одной такой фигурке.

Вид игроков был не менее примечательным. Один — могучий и рослый мужчина средних лет с закаленным в войнах загорелым лицом и волосами, убранными в тугой узел на макушке и перехваченными заколкой из красной яшмы, был облачен в богатые и украшенные золотом, но истертые в битвах доспехи, из-под которых развевались полы алого ханьфу [2]. Он крепко стиснул в руке фигурку светлого цвета.

Второй — худощавый мужчина неопределенного возраста с бледным, будто сотканным из теней лицом. На нем были черные одежды, грудь и плечи украшали серебряные накладки с агатами и аметистами. Волосы его свободно спускались на плечи черными же волнами. Его тонкие, будто лишенные плоти, пальцы нервно вертели фигурку из темной кости.

Могущество, исходившее от обоих игроков, наполнило воздух почти ощутимой тяжестью, от которой у Юй Шаня заломило виски. Он тут же понял, что видит перед собой не людей, а существ, живущих в высших слоях мироздания. Но что связывало его с этими двумя, почему он здесь оказался?..

— Что же, Синь Мо [3]), жребий брошен, число ходов определено. Но, кажется, ты нервничаешь? — в голосе первого игрока послышалась насмешка. — Еще есть время отказаться от игры и признать поражение. Я справедлив к сдавшимся и слабым.

— Разумеется, даром ты стал богом войны. — Ответ второго, несмотря на вежливые слова, прозвучал холодно. — Однако я не вижу ни одной причины, почему должен сдаться и уступить тебе камень. То, что ты пробудился от своего тысячелетнего сна — не повод дарить такой мощный артефакт. Да и на что тебе Лунный нефрит? Вделаешь его в рукоять меча?

Говоривший презрительно усмехнулся и кивнул на лежащий рядом со столиком для игры меч, конец которого был криво отломан. Тот, кого называли богом войны, подскочил, а глаза его полыхнули красным огнем.

— Ты зря насмехаешься! Игра только началась, посмотрю, как ты будешь веселиться в ее конце! Лунный нефрит вернет мне былую мощь! А вот для тебя он бесполезен: ваша с ним сила противоположна, так зачем ты его так жаждешь?

— Именно поэтому, — никак не отреагировав на эту вспышку гнева, пояснил Синь Мо. — Потому, что наши силы противоположны, он мне и нужен. Ты ведь должен понимать, как никто, что в уничтожении врага, кого-то, чуждого тебе, кроется истинное наслаждение! Я гедонист, только и всего.

— Тебе нужен Лунный нефрит только чтобы... уничтожить его?! — Его собеседник задохнулся от возмущения.

— Не трать силу на крики, — поморщился мужчина. — Ты настолько ослаб за время сна, что твое истинное имя, дорогой мой Чжань Шэнь [4], наверное, помню теперь только я. Мог бы быть и повежливее со старым братом!

— Старым братом! — фыркнул тот. — Как я могу называть хитрого и беспринципного демона братом?!

Вдруг внимание обоих ссорящихся было отвлечено тихим звуком, как будто кто-то пытался вздохнуть, но у него не выходило. Бог Войны резко обернулся, а его полный красной ярости взгляд прожег тонкую занавеску.

— Кто смеет подслушивать?! — взревел он и в один прыжок оказался у входа в комнату.

Демон даже не повернул головы, лишь сложил пальцы в мудру, стремительно выпуская тонкий острый кинжал, сотканный из его духовной силы и теней. Клинок бесшумно вонзился в занавеску ровно в том месте, где за секунду до этого находился Юй Шань. Но дух мастера даоса оказался быстрее и выдернул сознание мужчины из видения и возвратил в свое тело. В распоряжении высших сущностей остался лишь исчезающий след ауры нарушителя.

Юй Шань открыл глаза. Он по-прежнему находился в даосском храме, в одиночестве, однако дыхание его сбилось, а сердце, стиснутое ужасом, никак не могло успокоиться. Что за загадочное видение испытал он только что? Кто эти игроки? И почему они собрались разыгрывать Лунный нефрит, святыню его школы, порученную ему учителем?!

Возможно ли, что это был всего лишь сон, вызванный усталостью и тревогами? Даочжань так не думал. Он был уверен, что замеченные им странности в природных явлениях свидетельствовали о нарушении равновесия в мире, и что багровое пятно внутри священного камня было с ним связано. А увидев игроков, понял, что виной тому вмешательство высших сил. Значит, игра началась сразу на всех слоях мироздания.

Юй Шань глубоко задумался. Он не знал, каких людей представляли собой костяные игровые фигурки. Должна ли измениться его цель в связи с увиденным сегодня? И сможет ли он противостоять могущественной силе этих двоих?

Одно он знал точно: равновесие мироздания надо восстановить во что бы то ни стало, цена не имела значения! Еще он осознал, что Лунный нефрит стал и приманкой, и признаком, отражающим состояние мира, втянутого в игру. Мужчина решил, что, в любом случае, следует пока придерживаться первоначального плана.

Мастер открыл глаза и помахал перед собой в воздухе метелкой, отгоняя дурные мысли и остаточные вибрации сновидения. Затем встал, привычным жестом отряхнул одежду, подхватил сумку и вышел наружу. Небо над золотистой рощей было окрашено в багровые краски заката, и они снова напомнили о поврежденном нефрите. Юй Шань плотно сжал губы.

Оказалось, что он провел в храме всю ночь и весь день. Надо было поспешить в столицу, пока ворота в Запретный город не заперли до следующего утра.

[1] Цзячжи (##, jiǎzhì) — искусство, используемое для создания священных и ценных объектов. Очень упрощенно можно сравнить с техникой «папье-маше» (Википедия).

[2] Ханьфу (##, hàn fú) — «одежда ханьцев», традиционная одежда народа Хань в Китае. Мужской ханьфу представляет собой комплекс одежды, состоящий из различных элементов, включая длинную верхнюю одежду с перекрестным воротником и нижнюю, часто в виде юбки или брюк. Женское ханьфу состоит из верхней части и юбки, а ключевыми элементами являются перекрестный воротник, правый отворот и широкие рукава (Википедия).

[3] Синь Мо (## Xīn-mó) — «Демон Сердца».

[4] Чжань Шэнь (## Zhàn Shén) — «Бог Войны».

<https://shdevrum.ai/post/2ded06f5341d11f19c293e29f1292e42/>

8.

Как только храм опустел, над каменным пьедесталом за клубился жемчужный туман, будто раскрывая завесу между мирами. Воздух заискрился, и в темноте проявились очертания женской фигуры с искусно уложенными и украшенными драгоценностями волосами и укутанной в струящиеся, будто сотканые из солнечного света шелковые одежды.

Она казалась одновременно и юной, и непостижимо древней: легкой стрекозой, только рожденной в колыбели миров, и черепахой, несущей на спине груз тысячелетий. Наблюдай кто-нибудь со стороны, не смог бы назвать возраст женщины, ибо у нее не было возраста. Как не было и predetermined линии судьбы — она сама была ее Ткачихой. Богиня Юнь Хэн[1] стерлась из людской памяти настолько, что даже статуи в ее древних храмах уже обратились в прах. Людские стремления и чаяния, империи и их войны, слава побед и горечь поражений — ничто из суетных забот этого мира не могло ее взволновать. И мало что в мире богов могло бы заставить ее вечное сердце ускориться хотя бы на миг.

На безупречном луноликом лице богини сверкнули золотым, как расплавленный металл, светом раскосые глаза, а губы тронула тонкая безразличная улыбка. Она наклонилась, и в тишине храма мелодично звякнули браслеты на ее запястьях. Кончиками пальцев женщина ухватила поднесенную даосом ветку клена, плавным жестом подобрала светлые юбки своего ханьфу и мягко опустилась на пол храма, едва касаясь земли.

Она проплыла несколько шагов вперед и замерла точно на том месте, которое только что покинул даос. Одной рукой, сложенной в сложную мудру, она провела по воздуху, словно собирая ци, оставленную после его медитации. Другой — повертела ветку с резными золотистыми листочками, поднесла ее к лицу и принялась, будто вдыхая не аромат, а самую суть случившегося этой ночью в храме.

— Как быстро все меняется в этом мире, вот и листья снова пожелтели. — Ее голос был и сам похож на легкий шелест. — Как быстро летит время на земле! Юэ Юй, твой ученик вступил в игру! Интересно, как он справится.

Повернувшись к выходу, женщина прищурилась, словно стараясь разглядеть давно исчезнувшего в дали человека в летящих белых одеждах. Но легкая поступь цингуна уже унесла мужчину далеко вперед, и ничто не нарушало больше покой этого безымянного храма: даже ветер не шевелил ярко-желтые макушки деревьев.

— Даочжань, ты почти столь же силен, как и твой учитель! — Она покачала головой и холодно добавила: — Но Юэ Юй видел суть вещей, а ты от них спрятался. Твой учитель познал и отпустил чувства, чтобы обрести истинное равновесие. А ты... ты заковал свое сердце в лед и решил, что это и есть гармония и так ты сможешь достичь просветления. Наивный мальчишка. Разве отказаться от того, чего не постиг — жертва? О, да, тебе предстоит нелегкий путь.

Богиня помолчала, затем отбросила ветку на пол и, как будто подводя итог своим мыслям, негромко добавила:

— Что ж, раз судьба привела тебя в этот храм и позволила увидеть начало игры моих неугомонных сыновей, — губы ее снова скривились в тонкой усмешке, — посмотрим, как тебе удастся разобраться во всем. Сумеешь ли ты проникнуть в истинную суть того, что увидел сегодня? Сможешь ли уберечь мир от разрушения и хаоса? Удастся ли тебе приручить Лунный нефрит? Будет любопытно понаблюдать.

Ее губы в последний раз тронула легкая усмешка, затем богиня сложила руки вместе и спустя миг исчезла, оставив после себя лишь сверкающее золотистой пылью облачко. Пыльца осела на листьях лежащей на полу ветки и погасла. Храм погрузился в привычную тьму.

[1] Юнь Хэн # (Yún Héng) — «Вечно Уравновешивающая».

<https://shdevrum.ai/post/e98da1a7a47911f08c287e72a190c2a8/>

Глава 2. Наследница империи

1.

Наследная принцесса Ли Шуан сидела на коленях на шелковой подушке в поминальном зале и невидяще смотрела на высокую памятную табличку. Золотистые иероглифы на ней освещались мерцающими огоньками сотни свечей, надпись гласила «Сын Неба, император Хуайди[1] империи Цзин». За дни траурного дежурства, проведенные в этом зале, пропитанном тяжелым запахом благовоний, девушка выучила каждую черточку надписи наизусть, но присвоенный ее отцу посмертный титул все еще казался чужим и холодным.

Плечи Ли Шуан вздрогнули, она зябко поежилась и плотнее запахнула белое траурное одеяние из грубой ткани. Служанка, дремавшая неподалеку, услышав шорох, тут же встрепенулась:

— Госпоже нужна помощь?

— Все в порядке, Жу Сян[2]. Немного прохладно, вот и все.

— Что поделаешь, осень. Принесу вам покрывало! — Девушка легко вскочила на ноги и быстро вышла из зала в темноту двора.

Принцесса откинула назад длинные распущенные волосы цвета воронова крыла и снова повернула голову к памятной табличке. Захватила горсть лежащих перед ней бумажных денег[3] и кинула в небольшую жаровню, стоявшую тут же. Посмотрела на взметнувшиеся язычки красного пламени. Взгляд ее затуманился. Девушка погрузилась в воспоминания.

Они с отцом всегда были близки, насколько это было возможно при скованной этикетом жизни в Запретном городе. Разумеется, Сын Неба никогда не целовал свою дочь в детские щечки с ямочками, не катал малышку на загравке и не рассказывал историй перед сном. Иногда Шуан-эр[4] завидовала детям, чьим родителям было позволено проявлять любовь к своим отпрыскам открыто. Но девочка быстро выросла и хорошо усвоила уроки дворцового этикета. Само собой, наследная принцесса не могла вести себя так же, как обычные дети. Ее отец — император великой Цзин, она — дочь императрицы и наследница трона. И все же Шуан точно знала, что отцу она дорога: это проявлялась в тоне голоса, когда он к ней обращался, в подарках, которые он отбирал для нее собственноручно. И девушка щедро платила отцу ответной привязанностью и любовью.

Мать Ли Шуан скончалась, когда девочке было всего три года. Отец горевал по ней и сожалел, что императрица подарила ему всего лишь одного ребенка. Шуан знала, что он любил ее всем сердцем, но советники убедили его взять новую жену, чтобы та родила ему сына.

Однако Ван Янь гуйфэй[5] так и не стала новой императрицей, хоть и родила императору Ли Миня. А когда мальчику исполнилось одиннадцать, Ли Вэйлун объявил о намерении сделать наследницей трона свою старшую дочь. Шуан стала гунчжу[6], наследной принцессой, и приобрела непримиримого врага в лице наложницы Ван, жаждавшей этого титула для своего сына.

Шуан вспомнила, какую массу недовольства и кривотолков вызвало тогда решение отца среди его советников — поборников конфуцианства. Они настаивали, что женщина не может удержать империю в слабых руках, что сильной страной может управлять только крепкая мужская рука. Императору пришлось уступить и внести в «Последнюю волю» дополнение, что его дочь станет полноценной императрицей только когда выйдет замуж. Но сам Ли Вэйлун ни словом не обмолвился, кого хотел бы видеть в качестве мужа для гунчжу.

Девушка вздохнула. Она сама знала, кого бы выбрала в мужья. Ее юное сердце было покорено лишь одним героем, и никого другого на месте своего мужа она не представляла. Но мечты так часто остаются лишь мечтами!..

Уже предчувствуя близкую смерть, отец позвал ее к себе и долго говорил, перемежая слова затяжным кашлем. Перед глазами принцессы вновь предстала печальная картина: низкое предрассветное серое небо вверху, на котором ярким пятном выделялись раскидистые ветви смоковницы со свисающими темными плодами, и закутанное в шелковые одеяла тело отца у земли, на низкой кушетке. Отец сильно исхудал от поглотившей его за несколько месяцев тяжелой болезни. Его пожелтевшее, иссохшее лицо, на котором ярким, лихорадочным блеском горели черные глаза, пугало и заставляло опускать взгляд.

Ли Шуан с детства была прилежной ученицей и хорошо училась, одно время с ней даже занимался буддийский мастер, помогая совершенствовать управление своей ци и развивать духовное ядро. Ум ее был живым и быстрым, решения взвешенными, характер стойким — девушка обладала такими качествами, которые в наследном принце приводили бы советников двора в восторг. Но она была женщиной.

Девушка остро переживала болезнь отца, предчувствуя его скорую кончину. К сожалению, многое из того, что император говорил ей в то последнее утро, прошло мимо сознания. Шуан усвоила только, что отец вызвал какого-то друга детства, ставшего даосским мастером. Тот должен был вскоре прибыть ко двору и помочь ей удержать власть в руках. И еще он сказал, что этот даос выберет для нее достойного мужа. Император просил ее также быть послушной и исполнять просьбы даочжана. Девушка не могла противиться воле умирающего отца и дала обещание. Однако в сердце ее поселились тоска и тревога. Всю эту неделю она чувствовала себя очень неуверенной и незащищенной.

Наследная принцесса сразу же, в день смерти Сына Неба, приняла бразды правления — трон императора не мог оставаться пустым ни дня, однако императрицей она пока не стала. Девушка ощущала кожей, как большинство советников двора втайне недовольны новой правительницей, и боялась, что партия Ван гуйфэй укрепит свою власть и предпримет что-нибудь против нее.

Шуан не знала, может ли она полностью довериться знаниям и доброй воле неизвестного ей мастера: до нее доходили слухи, что отец рассорился с ним несколько лет назад, и с тех пор они не общались. Неизвестность страшила ее больше открытой угрозы, ведь не видя врага в лицо, она не могла ему противостоять. Шуан была умна, но совершенно неопытна в таких делах.

[1] Хуайди ## – «Тоска по императору». Императорам после смерти часто давалось посмертное, «храмовое» имя, в то время как его «имя при жизни» становилось табуированным. Храмовое имя давалось согласно заслугам правителя, было мостом между миром живых и мертвых, инструментом политической пропаганды и главным ярлыком, под которым император навсегда оставался в истории (Википедия). Слог «ди» в имени уже указывает на титул «император», однако для простоты прочтения на русском языке буду иногда употреблять имя вместе с отдельным титулом.

[2] Жу Сян ## (Rú Xiāng) — «Подобная Аромату».

[3] Бумажные деньги — специальные ритуальные деньги, которые сжигались для умерших, чтобы им хорошо жилось в загробном мире (Википедия).

[4] Приставка «эр» к имени на русский язык может быть переведена как уменьшительно-ласкательный суффикс и употребляется с детскими, а иногда и с женскими именами (Википедия).

[5] Ван Янь гуйфэй ##### (Wáng Yán Guīfēi) — имя Ван Янь можно перевести как «Утонченная красавица», гуйфэй — титул, означающий «благородная наложница».

[6] Гунчжу (## Gōngzhǔ) — «Великая Принцесса», титул наследной принцессы (Википедия).

<https://shdevrum.ai/post/8ded7a1e342311f1965afe0237c3f1f9/>

2.

Принцесса скорее почувствовала, чем услышала легкие шаги, приближавшиеся к памятному залу. Это не могла быть Жу Сян, ее семенящая походка была совсем другой. Кто же пришел навестить царственных предков так поздно?

Вход в зал охранялся, но шаги даже не замедлились и остановились лишь в паре бу[1] от нее. Почему охрана пропустила неизвестного гостя? Кем он был?..

Девушка обернулась и увидела в темном дверном проеме высокую мужскую фигуру в простом белом ханьфу с широкими рукавами. Одежды его были сияюще чисты, как будто весь путь неизвестный проделал, не касаясь земли. Их белизну нарушала лишь узкая черная свисающая с пояса даосская метелка. Шуан перевела глаза вверх и столкнулась с бесстрастным взглядом темных глаз, выделявшихся на красиво очерченном ровном овале лица с тонкими губами, не ведавшими улыбки. На вид мужчине было лет двадцать пять — тридцать, но такой взгляд мог принадлежать и суровому старцу. Волосы перехвачены на затылке в тугой пучок и затянуты скромной белой лентой. В неровном тусклом свете мужчина казался немного бледным, но спокойным и излучал ощутимую мощь.

Шуан догадалась, что это прибыл во дворец, вызванный отцом даосский мастер. Поскольку мужчина приходился императору другом детства, ему не могло быть меньше тридцати пяти лет, но выглядел он значительно моложе — девушка знала, что так отражалось влияние духовных практик. Он весь походил на изящную нефритовую статую, но не на безделушку, способную лишь украсить интерьер, а на воплощение лика божества, какие размещают в храмах и памятных местах.

— Ваше Высочество, простите, что вам пришлось так долго ждать, — неторопливо проговорил мужчина. — Этот бедный даос спешил изо всех сил. Его Величество призвал меня во дворец, чтобы направить вас и стать вашим наставником. Мое имя Юй Шань.

Тембр его голоса оказался приятным и негромким, слова вежливыми, но принцесса ощутила внезапную неприязнь к этому чужаку. Тон его слов был холоден, и в нем ей почудилась невысказанная досада от того, что мастер вынужден подчиниться приказу и взять ее под опеку, и еще тонкая нотка превосходства, от которого девушке стало не по себе. А от прямого изучающего взгляда даоса принцессе вдруг захотелось закрыться рукавом. Однако она была дочерью императора и постаралась не выдать своих чувств.

Ли Шуан поднялась на ноги.

— Вы проделали долгий путь, даочжань, я благодарна вам. — Она лишь слегка кивнула головой, подражая поведению отца, когда тот проводил малые аудиенции. Даос в ответ не только не поклонился, но даже не склонил голову. Принцесса поджала губы. Неужели этот неотесанный пришелец — тот, кому отец поручил ее защиту и поддержку?

— Я ощущаю в вас сильную ци, Ваше Высочество, однако ее циркуляция несколько хаотична. Если я не ошибаюсь, вы какое-то занимались духовными практиками? — спросил мужчина, в то время как глаза его внимательно и непочтительно оглядывали ее с головы до ног.

Шуан молча кивнула, решив не заострять внимание грубого даоса на тонкостях этикета и тем более не устраивать сцен в зале предков. В этих стенах все еще витал дух отца, которому она пообещала слушаться этого человека.

— Идите к себе, Ваше Высочество, отдохните, я подежурю этой ночью. Хотел бы попроситься с императором. А если вы присоединитесь к моей медитации в малом саду на рассвете, я буду рад.

Даочжань слегка склонил голову, как будто это он давал аудиенцию и теперь милостиво отпускал ее. Шуан еле сдержалась, чтобы не фыркнуть от возмущения. Отвернувшись, она бросила взгляд на памятную табличку с золотыми иероглифами.

«Отец, надеюсь, ты хорошо подумал и тщательно все взвесил, прежде чем выбрать этого даоса мне в помощь». Она выпрямила спину, одной рукой подобрала полы своего одеяния и молча прошла мимо мужчины к выходу, спиной ощущая на себе его изучающий взгляд.

[1] Бу — это традиционная китайская единица измерения расстояния, которая в большинстве исторических эпох определялась как «двойной шаг» (Википедия).

3.

Лин Ци Сюй[1] вздрогнул всем телом и открыл глаза. Сердце его бешено колотилось, норовя выскочить из груди, все тело мучил жар. Он сбросил толстое стеганое покрывало, в которое оказался завернут, как в кокон, но это не помогло: пламя, почти осязаемое, сжигало юношу изнутри.

Он с трудом сел и ощутил, как ноют и болят все мышцы его измученного тела. Поднял руку и вгляделся в бледные трясущиеся пальцы, еле различимые в темноте походной палатки, потом прижал их к лицу.

Кошмар не отпускал его. Уже которую ночь он оказывался во власти то ли видения, то ли предчувствия. Снова и снова юноша был вынужден противостоять изощренным пыткам, которые причиняли почти физическую боль, изматывали его так, будто происходили наяву. Которую ночь старался противиться ужасу, который накатывал на него, заставлял цепенеть, лишал воли к сопротивлению.

Каждый раз, стоило Лин Ци Сюю закрыть глаза и задремать, он оказывался в мрачной каменной комнате, похожей на тюремное подземелье. Он стоял на коленях, прикованный за запястья цепью к стене, а над ним возвышался худой неподвижный мужчина. Его ослепительно белые одежды развевались, будто сами по себе, и единственные освещали это темное место. Ци Сюй поднимал голову, чтобы на миг встретиться с холодным безжалостным светом черных глаз и тут же, не выдержав яростного взгляда, опустить глаза.

А дальше начиналась боль. Все тело юноши скручивало, будто кто-то невидимыми цепкими руками хватал его плоть и тянул, и разрывал, и давил каждую мышцу и каждый нерв его тела по отдельности. От нечеловеческой боли слезились глаза, а горло исторгало хрипящие крики, которых не было слышно.

Ничто не могло прекратить пытку, Ци Сюй был не властен ни освободиться, ни умереть. Казалось, эта боль длилась бесконечно. Особенный ужас порождало молчание этого мужчины. Он не произносил ни слова, не выдвигал ни единого требования или условия, а значит, надеяться на снисхождение было бессмысленно.

А затем появлялся голос. Тихий, полный сожаления и сочувствия, он возникал сразу повсюду: снаружи и внутри головы юноши.

— Бедняжка! — Вкрадчивый шепот пугал еще больше. — Как же сильно ты страдаешь! Этот мастер так безжалостен. Он не пощадит никого ради своей цели. Ты же просто попался на его пути, и он использует, а затем уничтожит тебя. Чтобы ему противостоять, ты должен научиться владеть особой духовной силой. Я знаю такой путь. Да, пожалуй, я мог бы научить тебя. Жаль, что ты меня не видишь, а значит, не можешь принести мне три поклона[2]... Да, мне тебя очень жаль, мальчик...

Лин Ци Сюй пытался разглядеть говорившего, понять, откуда раздается голос, увидеть хоть что-нибудь. Пару раз ему казалось, будто он видит в черном углу два горящих красных глаза, но тут же на него обрушивалась новая волна удушающей боли. А когда она становилась совершенно нестерпимой, юноша просыпался и оказывался на узкой походной кровати в маленькой темной палатке.

Он не знал, сколько еще таких ночей сможет выдержать, но не мог ни открыться, ни пожаловаться кому-либо на эти сны. И раньше, пока он жил в мрачной холодной комнате дворца

князя Ханьци, маленький Ци Сюй быстро понял, что защиты ждать неоткуда: если хочешь выжить, учись скрывать свои чувства и обиды. Единственной, кто проявляла в те годы заботу о мальчике, была его старая няня, но и она не могла защитить принца ни от насмешек старших братьев, ни от презрения отца. А теперь, когда он покинул Ханьци, ему оставалось надеяться в этой жизни только на себя.

[1] Лин Ци Сюй ### (Líng Qī Xù) — значение иероглифа Лин «отстраненный», «холодный», а также «воспарить», «подходить»; иероглиф Ци может означать «духовная сила», так и «искать пристанище», Сюй — «рассвет», «утреннее солнце».

[2] Три поклона — ритуальное поклонение ученика мастеру, после которых тот становился его учителем (Википедия).

<https://shedevrum.ai/post/913f8c8e343411f18d730638565e046c/>

4.

Юй Шань стремительно шел по залитому ярким солнечным светом Запретному городу. На полдень была назначена церемония его официального представления императорскому двору. Как ни плохо разбирался даосский мастер в дворцовом этикете, даже он понимал, что было бы некрасиво опоздать на собрание, посвященное тебе самому.

Все детство Юй Шань провел во дворце, так как его мать, вдова одного из советников предыдущего императора, стала придворной дамой императрицы. Мальчик же стал товарищем по учебе для наследного принца Ли Вэйлуна, который был на пять лет его старше. Несмотря на разницу в возрасте, дети сдружились с самых ранних лет. Однако Шань-эр никогда не придавал значения ритуалам, их которых состояла дворцовая жизнь. Его мало волновала форма вещей и событий, он всегда стремился постичь самую их суть. Ли Вэйлун часто посмеивался над ним, когда замечал, что он снова забыл или не учел какое-то правило или перепутал приветствие.

Да, тогда будущий император еще не был одержим идеей построения великой империи любой ценой и вел себя с соучеником, как с младшим братом.

Мужчина нахмурился и взмахнул даосской метелкой, словно отгоняя от себя бесполезные мысли и сожаления. Неизменно только дао, и в том, что его друг детства вырос и стал стремиться к другим ценностям, не было ничего удивительного. Он постарался сосредоточиться на нынешних делах. Ему предстояло встретиться с новым гунцин[1] — собранием высших сановников двора, и важно было понять расстановку сил.

Когда Юй Шань вошел в большой приемный зал, то обнаружил, что тот уже полон: весть о том, что перед смертью император призвал ко двору наставника для принцессы Шуан распространилась, и все старшие и младшие советники дворца собрались, чтобы поглядеть на чужака, ставшую новой фигурой в их обычных играх за власть и влияние.

Обычно богато украшенный зал сегодня был строго завешан большими белыми флагами, а стоявшие повсюду люди в грубо выбеленных траурных одеждах на секунду напомнили Юй Шаню собрание духовных школ: их мастера тоже часто предпочитали белый цвет — цвет беспристрастности и уединения. Он и сам в последние годы предпочитал именно его. Однако эта иллюзия схожести быстро рассеялась: одеяния сановников были пошиты из более плотной ткани, а у многих небрежно накинуты на цветные нижние одежды. Но отличали этих людей от бессмертных не детали формального траура, а выражения лиц, с которыми они разглядывали явившегося: озадаченные, любопытные, а у некоторых даже напуганные.

Юй Шань окинул собравшихся взглядом и понял, что почти никто из них ему не знаком. Он покинул дворец около семнадцати лет назад, и за это время почти весь состав гунцин обновился. Мужчина узнал разве что главного распорядителя дворца, советника по ритуалам и церемониям — господина Чжао Гана[2], который и в его детстве был уже немолод, а теперь и вовсе стал убелен сединой. Еще с ученических лет он запомнил старика неприступным и непоколебимым, как скала, и преданно служащим императорской семье. Господин Чжао никогда не вступал ни в какие фракции при дворе и был известен своей неподкупностью. Его худощавая фигура и узкое, аскетичное лицо с нависшими бровями и всегда поджатыми губами словно являли собой воплощение понятий “служение” и “долг”. Юй Шаню стало интересно, каково отношение господина Чжао к возведению принцессы Шуан в сан правителя Цзин-го, и удастся ли использовать этого почтенного сановника в своих целях?

Внимание Юй Шаня привлекла группа советников, зашедшей в зал последними. Впереди шел человек, который также был ему хорошо известен: господин Цзян Вэньбо[3], учивший когда-то их с Ли Вэйлуном основам государственности. Тогда он виделся юным ученикам самым страшным человеком во дворце: величественным, грузным, источавшим мощь и уверенность, будто был не человеком, а духом шэнь[4].

По прошествии лет он перестал казаться Юй Шаню жутким великаном, но выглядел по-прежнему внушительно: не толстый, но крупный, с решительным скуластым лицом, на котором выделялись цепкие глаза, всегда смотревшие с прищуром, и хищно раздувавшиеся крылья носа. Величия добавлял и вышитый на буфана[5] золотистый журавль[6], который виднелся из-под распахнутого верхнего белого одеяния. Этот мужчина сам по себе был оплотом конфуцианской традиции при дворе, к тому же он являлся главой Хлебного двора, распоряжавшимся всеми финансовыми вопросами в Запретном городе, а значит, и в империи Цзин.

Цзян Вэньбо, не глядя по сторонам, прошел в глубину зала и поднялся на возвышение. Он занял место слева возле еще пустующего трона из резного красного дерева, обвитого позолоченными фигурами четырех драконов, которые символизировали стороны света. Юй Шань поджал губы. Этот человек был опасен, и, захоти тот причинить ему неприятности, справиться с ним будет нелегко.

[1] Гунцин — от «три гуна и девять цингов», совещательный орган при императорском дворе, в который входили высшая знать и чиновники, собирательное название для двух категорий высших сановников (данные на основе Википедии).

[2] Чжао Ган ## (Zhào Gāng) — «Быстрый и Непокколебимый».

[3] Цзян Вэньбо ### (Jiāng Wén Bó) — «Мудрая и широкая река».

[4] Дух шэнь — «шэнь» может означать что-то «духовное», что несёт в себе что-то сверхъестественное. Например, этим термином древние китайцы называли фантастические существа, наполовину людей, наполовину зверей, и другие необычные создания. При этом «шэнь» всегда относят к яркому и энергичному «ян» (Википедия).

[5] Буфан — нашивка на одежде чиновника императорского двора для обозначения его ранга (Википедия).

[6] Журавль — знак высшего ранга чиновника императорского двора (Википедия).

<https://shdevrum.ai/post/b5f6f8a3343f11f1bf617e4cfbb5162c/>
<https://shdevrum.ai/post/8564f307344311f19e4156644cd0bcab/>

5.

Наконец, главный распорядитель объявил о появлении гунчжу Ли Шуан, и все сановники склонили головы. Пока принцесса не приняла полностью императорский статус, коленопреклонение при ее появлении не было обязательным. Юй Шань постарался отследить, каково отношение сановников к новой правительнице. Однако придворные чиновники умело владели собой: их лица уже успели принять выражение умеренной траурной скорби и почтительности.

Мужчина перевел взгляд на принцессу. Теперь, в проникающих сквозь окна ярких лучах солнца, были хорошо видны нежные и миловидные черты ее лица. Округлая форма, маленькие ямочки на щеках, еще сохранивших детскую припухлость, яркие миндалевидные глаза, слегка подведенные краской. Фигура также еще сохранила мягкость и плавность форм, при-
сущих юности: девушке вскоре должно было исполниться восемнадцать. Ли Шуан нельзя было назвать обольстительной красавицей, но она, безусловно, была хороша собой. Юй Шань невольно подумал, что, будь даже девушка не наследной принцессой, а простой горожанкой, за ее руку захотели бы побороться немало претендентов.

Ли Шуан не пришла сегодня на рассвете в сад для медитации, и мастеру хотелось понять, чем это было вызвано: усталостью принцессы, пренебрежением к нему, или, возможно, опасением? Однако гунчжу даже не посмотрела в конец зала, где стоял даос. Взгляд ее был устремлен ровно вперед, осанка под грубыми белыми одеждами оставалась идеально прямой, движения — скупыми и скованными. Даочжань уловил, что Шуан сильно нервничает, и легонько покачал головой. Ее ци явно нуждалась в усилении и практиках равновесия.

Главный распорядитель начал церемонию назначения Юй Шаня на должность советника и пригласил его вперед, чтобы тот мог предъявить верительную печать, переданную ему императором. Слушать волю императора, даже умершего, полагалось коленопреклоненными, и даос последовал примеру всех сановников, решив, что не стоит выделяться из толпы и сразу вызывать кривотолки. Стоя перед возвышением с тронem, он внимал тихой размеренной речи господина Чжао Гана и с удивлением узнал, что Сын Неба наделил его почти неограниченными полномочиями. Согласно его Последней воле, Юй Шань становился “советником по правую руку” [1] и наставником наследной принцессы Ли Шуан и, таким образом, его статус становился даже выше, чем у советника Цзяна.

По всему залу пролетели, словно ветер в сухих камышах, изумленные шепотки. Стоя на коленях прямо перед тронem, он не мог видеть сейчас лица присутствующих, но уловил вибрации недоумения и возмущения, исходящих от окружавших его людей. Никто из них не ожидал, что безвестному даосу будет передана такая власть.

Мужчина бросил быстрый взгляд на Цзян Вэньбо, стоявшего на коленях рядом с тронem наследной принцессы, и успел заметить, как лицо того потемнело от гнева. Похоже было, что сегодня он обрел непримиримого врага.

Выслушав волю императора, наследная принцесса встала с колен и тут же направилась к выходу, так и не взглянув на своего, теперь уже официально назначенного, наставника. Две служанки просеменили за императрицей, и все советники, проводив гунчжу почтительными поклонами, тут же загомонили.

Господин Чжао стукнул металлическим жезлом о пол. От неожиданного резкого звука многие вздрогнули, и в зале снова воцарилась тишина. Распорядитель обвел всех присутствующих долгим, ничего не выражающим взглядом и объявил, что гунчжу Ли Шуан желает видеть некоторых из них на совете в малом приемном покое. Среди допущенных лиц оказались главы всех дворов, включая господина Цзян Вэньбо, с их помощниками, два или три владетельных князя, приближенных ко двору, и Юй Шань.

Услышав о приглашении, даос молча кивнул: он ожидал, что в новом статусе ему придется принимать участие во всех подобных советах. Однако больше всего ему сейчас хотелось поговорить с принцессой Шуан наедине.

Краем глаза мужчина заметил, что в его сторону приближается глава Хлебного двора.

— Поздравляю с высокой должностью, даочжань Юй, — произнес Цзян Вэньбо, и губы его изогнулись в тонкой улыбке. Сам Юй Шань не придавал значения тому, что советник пропустил его новый титул, называя даосским званием. Его путь учил смирению, и титул в его понимании был не более, чем наброском углем на камне: пройдет дождь и смоем его. Гораздо больше его занимало выражение глаз улыбавшегося мужчины: они, казалось, были готовы пронзить пришельца, словно два острых кинжала.

Юй Шань незаметно повел пальцами, сложенными в мудру восприятия, проверяя, не использует ли господин Цзян магию — настолько плотной и ощутимой была исходящая от него неприязнь, но ничего не почувствовал.

— Благодарю, советник Цзян, — спокойно ответил он, — однако вынужден признать, что этот скромный даос мало что смыслит в нынешнем положении дел в империи и будет счастлив получить от господина советника несколько наставлений.

Их беседу прервал подошедший ближе Чжао Ган. Юй Шань заметил, что тот уже некоторое время с едва уловимой тревогой следил за мужчинами. Его опыт позволил старику тонко уловить момент, когда следовало вмешаться, пока собеседники не наговорили друг другу лишнего.

— Господа, прошу вас пройти в малые покои. Негоже заставлять Ее Высочество ждать. И, господин советник Юй, прошу вас после совещания задержаться ненадолго, я расскажу вам о распорядке дня гунчжу и о ближайших событиях.

— Благодарю господина Чжао за напоминание и за помощь. — Юй Шань слегка склонил голову и последовал за стариком к покоям принцессы.

[1] Советник по правую руку — высшее должностное лицо при императорском дворе. Такая должность подразумевала исполнение обязанностей, связанных с управлением государственными делами и делами канцелярии в качестве основного помощника императора (Википедия).

6.

Вслед за главным распорядителем оба советника пересекли широкую площадь и вошли в малый приемный зал Восточного дворца, в котором жила принцесса Ли Шуан. Здесь, так же, как и во всем Запретном городе, царил траурное уныние: золотые вывески занавесили белыми тканями, изящные и яркие предметы интерьера спрятали до лучших времен. С деревянных лавок, на которых разместились приглашенные на совет, были убраны подушки, а чай им подали в самых простых чашках из грубой сероватой глины.

Юй Шань краем глаза заметил, как поморщился Цзян Вэньбо, вынужденный усесться на жесткое дерево. Сам мастер спокойно занял указанное ему господином Чжао место. Его и главу Хлебного двора разделяло теперь пустое сидение, приготовленное для наследной принцессы.

Даос оценил этот жест смирения, показывающий, что на данном совете все равны, и гунчжу не стремится выделиться среди советников благодаря лишь титулу. Он понимающе усмехнулся, уловив в этом опытную руку главного распорядителя.

Господин Чжао объявил, что господа советники могут не утруждать себя церемониями при появлении наследной принцессы. Он бросил быстрый цепкий взгляд на разливающих чай служанок и вышел уведомить Ее Высочество, что все приглашенные собрались. Спустя минуту к прибывшим последними советникам поспешили две служанки с подносами, на которых оказались только небольшие чайники и чашки для гостей. Подошедшая к Юй Шаню девушка

скромно опустила глаза, не смея рассматривать даочжана в открытую. Она поставила поднос, налила чай из чайника в чашку и, поклонившись, отошла назад, к колонне.

Мужчина поднял чашку, придерживая широкий рукав ханьфу другой рукой, поднес ее ближе и принялся. К тонкому цветочному аромату примешалась неожиданная пряность с тревожащим восприятием оттенком. Мастер собрал немного ци на кончиках пальцев, обхвативших теплую глину, и сосредоточился. Его внутренняя сила проникла сквозь стенки чашки и смешалась с ци минералов, воды и листьев растений, отдавших свой аромат напитку. А это что?!. Пальцы его слегка дрогнули, уловив терпкую, жалящую субстанцию...

Он понял, что придало пряную ноту чаю, еле уловимую, незаметную для обычного человека. Юй Шань задумчиво повертел чашку в крепких пальцах.

— Что же вы не пьете чай, господин Юй? Вас что-то беспокоит? — За вежливой формой вопроса Цзян Вэньбо угадывался скрытый смысл. Тон советника словно намекал, что возведенный в высокий ранг даочжань испытывает неловкость от произошедшего только что с ним в большом зале приемов.

— Горький. Не стану пить, — вернув чашку на поднос, сухо произнес даос.

В этот миг за спинами мужчин раздались быстрые шаги и звонкий девичий голос, срываясь, произнес:

— Господин Юй настолько возвысился, что брезгает гостеприимством гунчжу?

В зал стремительно вошла Ли Шуан. Судя по резкому замечанию и сердитому тону, она услышала и обращение Цзян Вэньбо, и ответ Юй Шаня, и нашла поведение нового наставника позорящим ее достоинство. Девушка быстро наклонилась к столику даосского мастера, и ее тонкие пальцы, обрамленные широким белым рукавом, тут же подхватили отставленную им чашку.

— Раз для даочжана мой чай нехорош, выпью сама!

Язвительное замечание принцессы раздалось над самым ухом мужчины. Вихрем мелькнула белая ткань, когда рука принцессы поднесла чашку к губам.

Юй Шань, не оборачиваясь, молниеносно сложил пальцы в замысловатую мудру и послал сгусток ци в чашку за своей спиной. Еще никто не успел сообразить, что случилось, а чашка, будто сама собой, вылетела из руки принцессы и со звоном откатилась в середину зала. Чай растекался на полу тонкой ржавой дорожкой. По залу пронесся изумленный вздох.

— Советник Юй, что вы себе позволяете?.. — забыв о достоинстве, громко воскликнул господин Чжао. Он как раз вошел в зал вслед за принцессой и успел заметить только, что девушка уставилась на даосского мастера в негодовании. Его рука так сильно сжала церемониальный жезл, что костяшки пальцев побелели.

Юй Шань встал, обернулся к принцессе Шуан и, сложив руки в рукава, твердо произнес:

— Прошу простить этого бедного даоса за грубость. Мой чай был кем-то отравлен, и я не хотел, чтобы вы пострадали.

— Отравлен?! Не может этого быть!

7.

По залу пронесся испуганный вздох, а затем все сразу загомонили. Кто-то поднялся со своего места и беспокойно размахивал руками. Чжао Ган тщетно пытался призвать людей к порядку: впервые на голос распорядителя никто не обратил никакого внимания.

Юй Шань не смотрел ни на кого из них, его взгляд был прикован к принцессе. Он заметил, что девушка при его словах побледнела, а затем ее щеки запылали. Она попыталась что-то сказать, но так и не смогла подобрать подходящих слов, и в смятении опустила глаза.

Зато решил высказаться Цзян Вэньбо.

Советник с трудом встал со своей скамьи, повернулся к даосу всем телом и, наклонившись вперед, громко спросил:

— Как вы поняли, что чай отравлен? Вы его так и не отпили. У вас есть доказательства для подобных обвинений?

— Я ощутил чужеродную ци в напитке, вот и все, — обернувшись к нему, покачал головой Юй Шань. Взгляд его снова обратился к принцессе: — Ваше Высочество, я ни в коем случае не пытался оскорбить вас. Давайте забудем об этом странном инциденте и вернемся к делам.

Ли Шуан в замешательстве посмотрела на него. Советник Цзян нахмурился при этих словах и едко произнес:

— Вы настолько не пристрастны в этом вопросе? Или боитесь, что ваш замысел привлечь к себе внимание столь эффективным способом будет раскрыт? Если чай отравлен, это надо расследовать! Под угрозой оказалась жизнь наследной принцессы! — Никто не успел возразить, как толстый палец советника указал на съевшуюся возле колонны служанку. — Эй, ты! Это ведь ты принесла даочжаню чай? Говори, кто пытался его отравить?

Бедная девушка рухнула на колени и закрыла лицо руками.

— Я ничего не знаю, клянусь, это не я!.. — запричитала она сквозь слезы. — Чай не отравлен, он хороший! Я заваривала его сама, там не было яда!

— Раз он хороший, то ты не откажешься его выпить? — Взявший дело в свои руки Цзян Вэньбо с удивительной для человека его комплекции прытью налил чай из чайника Юй Шаня в другую чашку, в два прыжка подскочил к рыдающей служанке и впихнул чай в ее руку. — А ну, выпей! И сразу станет ясно, кто здесь врет!

— Советник Цзян, остановитесь! — Юй Шань шагнул за ним следом, но девушка, не в силах сопротивляться властному приказу, бросила на застывшую в ужасе принцессу короткий, полный отчаяния взгляд и сделала глоток.

В зале воцарилась мертвая тишина. Несколько секунд все присутствующие напряженно наблюдали за девушкой. Вдруг она ухватилась руками за живот, застонала и рухнула на бок. Цзян Вэньбо отпустил ее рукав и отпрянул. На лице его на миг отразилось неподдельное изумление, но тут же оно сменилось негодованием.

Юй Шань, наоборот, опустился перед девушкой на колени, взял одной рукой за запястье, а другой, отведя ее сведенные судорогой пальцы, сильно надавил на верх ее живота. Спустя минуту несчастная выгнулась дугой и выплюнула выпитый чай, а следом сгусток черной крови.

— Отлично, — пробормотал даос, убирая руки и осторожно укладывая ее на дощатый пол. Затем он повернулся к принцессе и пояснил только ей: — Я вывел яд из тела этой девушки. Прикажите кому-нибудь уложить ее на кровать и давать пить много чистой воды.

Несколько секунд принцесса Шуан молча стояла, распахнув глаза и тяжело дыша. Затем, словно опомнившись, жестом подозвала двух других служанок и негромко приказала:

— Отведите ее в комнаты прислуги и приберите в зале. Господа, — принцесса перевела взгляд на растерянных мужчин, — необходимо разобраться в том, что произошло. Совет мы соберем в другой раз.

Дождавшись, пока сановники поклонами выразят повиновение ее решению и двинутся к выходу из зала, девушка взглянула на даочжана, и в этом взгляде мужчина теперь не уловил прежнего недовольства и отстраненности.

— Господин наставник, я хотела бы поговорить с вами наедине. Прошу, пройдемте со мной в сад. — Она слегка склонила голову и сделала приглашающий жест рукой.

Юй Шань прошел вслед за Ли Шуан во внутренние покои дворца, спиной ощущая на себе внимательные взгляды двух пар глаз: тяжелый, полный ярости — Цзян Вэньбо и настороженный, взвешивающий каждый его шаг — Чжао Гана.

Ли Шуан провела мастера даочжана в небольшой ухоженный сад, напоенный ароматом желто-рыжих османтусов. В глубине сада, посреди ровно подстриженной полянки стояла небольшая деревянная беседка с остроконечной крышей.

— Здесь нас никто не побеспокоит, — девушка села на резную лавку беседки и подняла глаза на мастера. Юй Шань остановился на пороге и ждал, устремив на нее непроницаемый взгляд.

В душе принцессы снова всколыхнулись смятение и неприязнь. Как можно быть таким спокойным и безразличным, когда тебя только что чуть не отравили! Она закрыла глаза, вцепилась пальцами в колени и принялась делать глубокие вдохи и выдохи, чтобы успокоиться.

Негромкий голос совсем рядом с ней произнес:

— Если отклоните спину немного назад и соберете пальцы в мудру умиротворения, то сможете быстрее достичь равновесия.

Принцесса мгновенно распахнула глаза. Оказалось, что даос неслышно приблизился и стоял теперь прямо перед ней. Глаза его смотрели на нее все так же бесстрастно, на лице не появилось ни тени участия, но в тоне мужчины на этот раз принцесса уловила какую-то незнакомую интонацию.

— Мастер даочжань, благодарю за наставление, однако я хотела поговорить с вами не о медитации. — Принцесса выпрямилась и постаралась придать своей позе величие, с которым отец беседовал со своими подданными. Получилось неважно, судя по тому, что в глазах Юй Шань промелькнули еле уловимые искорки. Неужели он так и будет всегда смотреть на нее свысока!

Впрочем, когда мужчина заговорил, голос его прозвучал ровно и вежливо:

— Этот бедный даос внимательно слушает Ваше Высочество. О чем вы хотели бы поговорить?

— Неужели неясно? — Шуан не сдержалась. — Кто-то захотел вас отравить, едва вы переступили порог дворца! Разве это не требует разбирательства? Вас это совсем не волнует?

— Конечно же, волнует, — сдержанно кивнул мужчина, — но я уверен, что господин Чжао Ган уже организовал расследование инцидента со всем присущим ему опытом и умением. Однако, если вам интересно, я готов поделиться своими размышлениями. Пока мы шли сюда, я как раз обдумывал, кто может стоять за этим поступком. К сожалению, я только прибыл и еще плохо знаю игроков на этом поле вэйци. Тем не менее, у меня появились кое-какие мысли.

— Так поделитесь ими со мной! — нетерпеливо воскликнула девушка и тут же снова заметила мелькнувшую в глазах даоса иронию. Определенно, это было невыносимо!

— Подстроить этот инцидент могли несколько человек: Цзян Вэньбо, Чжао Ган, служанка, подавшая чай, вы и я.

— Вы и я?! — повторила за ним Шуан. Глаза ее распахнулись в изумлении. — Объясните! Почему именно эти пятеро?

— Я поясню вам ход моих мыслей. Чжао Ган мог бы приказать положить в мой чай особую специю для гостя: служанка вряд ли задумалась бы над его повелением, учитывая репутацию главного распорядителя. Сама она тоже могла это сделать, из каких-то своих побуждений или если ее подкупил кто-то, про кого мы пока не знаем, но кто хочет ослабить вашу позицию. Всем во дворце известно, что я прибыл сюда, чтобы поддержать вас.

При этих словах принцесса наклонилась вперед: в ее голове вспыхнула догадка, но тут же она выпрямилась, не желая возводить напраслину на людей, чья вина не установлена.

— Что касается Цзян Вэньбо, — продолжил Юй Шань, — у советника была такая возможность, пока я отвернулся, следя за уходом господина Чжао. Также это мог бы быть я, с целью разыграть спектакль, чтобы показать свою значимость, как предположил господин Глава Хлебного двора. — Он усмехнулся. — Не знаю, смогу ли доказать, что я этого не делал.

Он помедлил, давая Ли Шуан время возразить или задать вопрос. Однако она решила промолчать и на этот раз.

— Далее, вы. — Мужчина сделал паузу и бросил на девушку такой взгляд, от которого она внезапно смутилась и опустила голову. Глаза его бесстрастно проскользили по ее фигуре, давая осознать тяжесть возможного обвинения. — Ваше Высочество, я заметил, что с первых минут нашего знакомства не слишком вам приглянулся. Вполне вероятно, что вы захотели бы избавиться от навязанного вам наставника.

— Да как вы смеете!.. — вспыхнула девушка, но Юй Шань остановил ее коротким движением руки.

— Это всего лишь мои размышления. Я знаю, что это не вы.

— Конечно, не я! Но почему вы решили так? — Шуан ощутила любопытство.

— Потому что вы искренне испугались, когда я сказал, что в чашке был яд. Вы не знали об этом, так же, как и служанка, вынужденная его выпить. Я знаю, как отличать, правдив ли человек или лжет, по его лицу и реакциям. Это одно из умений, приходящих к тем, кто овладел ци и практикует духовные техники. Правителю великой империи они быгодились.

На этот раз Шуан расслышала в голосе даоса твердые, уверенные ноты. Девушка вновь подняла глаза и тихо спросила:

— Вы верите в то, что я смогу править империей, как завещал отец?

— Я верю, что у вас есть для этого необходимые задатки. И я прибыл во дворец по просьбе императора, чтобы стать вашим наставником. Остальное подвластно только дао. «Чтобы пересечь этот суетный мир, нужно знать дорогу. Чтобы прописать лекарство, нужно знать причину болезни»[1]. Мне нужно немного больше времени, чтобы разобраться в расстановке сил.

Принцесса вновь уловила во взгляде и голосе даочжана неясные нотки. Что это было: горечь, сомнения? Они так не вязались с его обликом бессмертного, облаченного в безупречные развевающиеся белые одежды и строгим лицом с правильными чертами. Как будто за маской просветленного мастера проступил... обыкновенный человек?

Ли Шуан вдруг устыдилась хода своих мыслей. Испугавшись, вдруг этот мудрец, читающий по лицам и способный взаимодействовать с предметами на расстоянии, сможет проникнуть и в ее сознание, она ощутила, как запылали ее щеки, и опустила голову.

— Я... вынуждена вас покинуть. События этого дня были слишком насыщенными. — Она встала и направилась к выходу из беседки.

— Ваше Высочество, — окликнул ее мастер, — могу я надеяться, что завтра на рассвете вы присоединитесь ко мне для медитации?

Принцесса, не оборачиваясь, кивнула и ушла к дому.

Оставшись один, Юй Шань позволил себе слегка улыбнуться. Улыбка вышла слабой и усталой. Он протянул руку, сорвал веточку османтуса, неосторожно заглянувшую внутрь беседки, и вдохнул сладковатый запах.

Кажется, лед недоверия между ним и наследной принцессой Ли Шуан был сломан. Мужчина был этому рад и не рад одновременно. Он понял, что выросшая за годы его отсутствия дочь Ли Вэйлуна ему понравилась. Ее повадки во многом походили на отца — того, каким мужчина запомнил его в своем детстве. Броня отрешенности, с трудом воздвигнутая мастером вокруг сердца за годы затворничества, дала трещину. Это могло сильно усложнить его, уже и без того непростую, задачу.

[1] Цитата из «Книги изречений» Тое Эйте, из сборника «Афоризмы старого Китая» в переводе и редакции В.В. Малявина. — СПб: Издательская группа «Азбука Классик», 2025.

Глава 3. Запутанные отношения

1.

Двое охранников стояли перед входом в дворец гунчжу и, поеживаясь на холодном осеннем ветру, сонно шурились на недавно взошедшее розоватое солнце.

— А что, братец, как думаешь, сегодня будет такая же суматоха, как и вчера? — произнес тот, что был помоложе.

— Пожалуй, — пожал плечами старший, — теперь каждый день беготня, хоть стодневный траур по императору еще не окончен. Но этот новый советник-даос уж больно цепко взялся за дела! Ты-то может не знаешь, а я несколько раз за этот месяц дежурил в приемном зале. Так вот, этот господин Юй вникает во все, в каждую мелочь. Младшие советники всех дворов, я уверен, во сне проклинают его имя, а может и кое-кто из старших!

— Из старших! — ахнул его напарник. — Неужели господин наставник и Глав дворов смутил своим вниманием?

— Говорю же, — значительно нахмурился воин, — даже господин главный советник Цзян был вынужден отчитываться о расходах по своему ведомству!

— Сам господин Цзян?!. Не может быть!

— Говорю, еще как может! Столько вопросов даочжань ему задал! Как снабжалась армия, да как было распределено довольствие, да сколько было оружия закуплено? Глядишь, и генералу Вэй Чжэну[1], как прибудет, придется докладывать о потерях да расходах в войсках.

— Да неужели случится, чтобы прославленный герой, победитель последней битвы, и был вынужден отчитываться о таких вещах!

— Вот помяни мое слово! Советник Юй даром, что всего месяц, как во дворце, а, кажется, все ниточки уже к своим рукам прибрал! Я вот иногда думаю, а не хочет ли даочжань потихоньку всю власть в Цзин-го себе забрать?

— Ты что такое говоришь, братец! — испуганно охнул его молодой товарищ. — Господин Юй ведь по приказу самого Сына Неба прибыл, чтобы помочь нашей принцессе Ли Шуан!

— Мой отец, бывало, говаривал, «драконы и змеи обитают вперемешку»[2]! Кто знает, может Сын Неба, император Хуайди, запомнил своего друга детства совсем другим и призвал его, будучи больным, только потому, что разум его был уже во власти прошлого?

— Ты бы поостерегся говорить такое о правителе, пусть и покойном! Не ровен час, услышит кто! — Парень тревожно заозирался по сторонам.

— А я и говорю, — быстро сменил курс тот, — господин наставник и сам вникает, и принцессу учит государством управлять! На каждом заседании гунчжу сидит, слушает о делах империи и рассуждает так здраво!

— А я сам видел, что принцесса теперь медитирует в саду по утрам на рассвете, даром что холод пробирает до костей! Будет у Цзин-го достойная правительница! — Оба довольно покивали. На минуту в прозрачном утреннем воздухе воцарилось молчание.

— А помнишь, — снова начал младший воин, — ходили слухи, что этого даоса попытались отравить сразу при приезде?

— Слухи! — фыркнул его напарник. — Да я сам тогда дежурил возле зала и все видел! И как он чашку выбил из руки наследной принцессы, и как служанку спас! Да только знаешь, что, — он наклонился к самому уху собеседника: — ведь расследование так ни к чему и не привело! Даос запретил господину Чжао использовать пытки, и виновного так и не нашли. И поговаривают, что он сам все это и затеял, чтобы прославиться!

— Зачем ему это? — ахнул тот. — И так ведь «правая рука императора», выше уже некуда!

— Ты думаешь? — многозначительно прищурил глаза первый.

Его напарник расширил глаза, понимая охнул и замолчал. Они еще немного постояли в тишине.

— Говоришь, генерал Вэй скоро прибедет? Вот бы взглянуть на героя! — снова не выдержал тишины младший.

— Скоро! — фыркнул его напарник. — Точно знаю, завтра же он будет в Юньани, вот тебе слово! Вчера прискакал гонец, когда я на посту стоял. Так я слышал, что передовой отряд уже сегодня к ночи достигнет стен столицы. То-то обрадуется принцесса Ли Шуан!

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился парень.

— А то, что Ее Высочество с детства была дружна с генералом, хвостиком за ним бегала. А он, хоть и старше ее лет на десять, или даже больше, а всегда очень мягко к ней относился. Как же ей не обрадоваться, что он возвращается!

— А, ну да, братец, ты прав, — понимающе кивнул первый.

Тут внимание болтунов привлекла высокая стремительная фигура в летящих белоснежных одеждах: к ним приближался советник Юй. Оба стража вздрогнули, вытянулись по струнке и отсалютовали подошедшему.

— Ее Высочество у себя? — бесстрастно спросил мужчина. Дождавшись кивка, он прошел во внутренние покои дворца.

— Уф, так глянул, аж мурашки пробежали, — проведя рукой по лбу, пожаловался младший воин. — Как думаешь, мог он слышать, о чем мы трепались?

— Говорят, даочжань исключительный мастер, способный к магии, — боязливо передернул плечами старший, — но с такого дальнего расстояния — не думаю. Да и стал бы он молчать, если бы мы его прогневили! Уж небось стоять тут не остались!

— И все же, давай-ка, братец, помолчим! Целее будем.

Они закрыли свои болтливые рты и уставились вдаль на осеннее солнце, будто ничего, кроме бледного светила, их и не интересовало.

[1] Вэй Чжэн ## (Wèi Zhèng) — «Защитник Справедливости».

[2] Цитата из «Книги изречений» Тое Эйте, из сборника «Афоризмы старого Китая» в переводе и редакции В.В. Малявина. — СПб: Издательская группа «Азбука Классик», 2025. Вряд ли отец стража прочитал эту мудрость в книге, скорее всего, тоже где-то услышал.

2.

— Ваше Высочество сегодня рассеяны. Что-то случилось?

Спокойный, лишенный эмоций голос в тишине рабочего кабинета заставил принцессу вздрогнуть. Ли Шуан быстро подняла глаза, чтобы ответить: «Ничего, со мной все хорошо», как вдруг губы ее произнесли совсем другое:

— Скажите, господин наставник Юй, что такое любовь? И как понять, что ты влюблена и сможешь провести с этим человеком всю оставшуюся жизнь?

Увидев, как на обычно бесстрастном лице Юй Шань на секунду отразилось изумление, девушка мысленно отругала себя. Они почти целый час изучали бумаги и сведения о княжестве Ханьци, которые доставил вчера утром военный курьер — надо было подготовиться к встрече генерала и героя сражения при Цзехэ Вэй Чжэна и привезенного им как гарантию мира между странами принца Лин Ци Сюя. Что должен подумать наставник Юй, услышав ее вопрос? Что она неразумная дурочка, у которой ветер в голове?

Пауза затянулась, Шуан поджала губы и уже хотела было сказать, что не ждет ответа, как вдруг мужчина медленно заговорил:

— Простите за невольную паузу, Ваше Высочество. Я немного не ожидал услышать такой вопрос. Скорее, тема любви больше подходит для беседы весенней порой, нежели поздней

осенью. Однако я, наверное, понимаю, чем он вызван. Вы беспокоитесь о будущем браке, в который должны будете вступить по окончании траура и для принятия императорского титула.

Шуан открыла было рот, чтобы ответить, что думала не об этом, но тут же сомкнула губы и молча кивнула.

Юй Шань встал из-за стола, заваленного свитками папируса и тетрадами в бамбуковых переплетах, и прошелся по просторному аскетичному кабинету. Отвернувшись к окну, он негромко заметил:

— Боюсь, этот бедный даос — не лучший советчик в вопросах любви между мужчиной и женщиной. Мой путь много лет лежал в стороне от страстей и чувств. И также, боюсь, Ваше Высочество, что ваша судьба окажется связана с другим мужчиной не из весенних чувств, но исходя из требования долга и понимания пользы, какую принесет ваш брак для Цзин-го.

Наследная принцесса не услышала в этих словах ничего нового для себя — она знала, что люди, облеченные властью, вступают в брак не по любви, а исходя из соображений государственной необходимости. Счастливый брак ее отца, императора Ли Вэйлуна, с ее матерью был, скорее, исключением из этого правила. И все же, при этих словах даоса сердце ее дрогнуло и тревожно забилось, а спина напряженно вытянулась, словно силась удержать груз власти, давящий на хрупкое тело.

Мужчина обернулся и, как будто заметив ее реакцию, мягко продолжил:

— Однако, вы ведь спрашивали не об этом? Любовь — сложное явление, возможно, столь же непостижимое, сколь и само дао. Бессмертный Лао Цзы говорил, что любовь порождает зависимость. И он же замечал, что «долг без любви печалит». Я только могу выразить надежду, что вам удастся взрастить в себе чувство любви и уважения к своему будущему мужу.

Он отвел взгляд, а Ли Шуан тихо фыркнула. Вскочив на ноги, девушка громче, чем следовало бы, возразила:

— Как можно полюбить кого-то из чувства долга?! Разве любовь — это то, что поддается расчету и дрессировке?

Наставник снова поднял взгляд, и Шуан уловила промелькнувшие в его глазах искорки.

— Вы правы, Ваше Высочество. Любовь — это сильное чувство, и его нельзя приручить. Но что сильнее и что должно взять верх — чувство или разум?

— Разум без чувств — слепое орудие! Оно разит, не зная жалости и не ведая истинной цели! Как можно жить, полагаясь только на разум? Наставник, вы слукавили! В изречении Лао Цзы есть продолжение: «Горе тем, кто скуп на любовь. Зачем жить, если не для того, чтобы любить?»[1]

Выпалив это, Ли Шуан ощутила, как щеки ее запылали, а стук сердца отозвался в висках. Она настороженно ждала реакции наставника на свою вспышку, ведь даочжань успел по всему дворцу прославиться как человек, обладающий непреклонным характером, не терпящим возражений. Но Юй Шань опустил взгляд и ответил ровным, снова ничего не выражающим тоном:

— Бессмертный Лао Цзы действительно говорил это. И еще он говорил: «Сильная любовь кого-то придает сил, а сильная любовь к кому-то придает смелости»[2]. Я действительно плохой советчик в этом вопросе, Ваше Высочество, так что, если не возражаете, давайте закончим наш внезапный диспут и вернемся к сведениям о товарах, которые княжество Ханьци обязуется поставлять в столицу. Главный советник Цзян хорошо потрудился, составляя расчеты, нам не следует быть неблагодарными и невнимательными к его работе.

Мужчина подошел к столу и сделал приглашающий жест рукой. Ли Шуан села на свое место и перевела взгляд на свиток с печатью Хлебного двора. Однако в мыслях она все еще вела диалог с даосом: «Неужели, господин советник Юй, есть что-то, в чем вы не разбираетесь? И впрямь, откуда бы вам знать про любовь! Мне еще нет восемнадцати, а я уже дала бы вам фору в этом вопросе! Хотя, говоря про смелость — вы правы, и Лао Цзы прав! Надо быть смелой!»

Девушка перевела взгляд в окно, и перед ее внутренним взором встала совсем другая картина: статный молодой мужчина в блестящих на солнце доспехах улыбается ей и протягивает руки. В них сидит мохнатый комочек, длинные заячьи уши смешно подрагивают. И она бежит к ним, путаясь в слишком длинных полах платья, и заливается счастливым смехом.

— Ваше Высочество, прошу обратить внимание на этот пункт, — Юй Шань как будто заметил, что она снова отвлеклась, и легонько постучал пальцем по пергаменту. — По оценке советника Цзяна, цена одной шкурки соболя составляет от десяти лянов серебра. Он предлагает передать князю в обмен десять рулонов ткани или двести цзиней риса. Это сложный выбор, ведь в империи выдались несколько неурожайных лет подряд.

Ли Шуан, вырванная из воспоминаний, резко возразила:

— Зачем отдавать рис чужому народу, если наш собственный недоедает? Подумаешь, соболь! В тяжелую пору знати не пристало думать о внешней красоте!

— Вы правы и, в то же время, неправы, — скупой улыбнулся Юй Шань. — Империя, безусловно, переживает сейчас не лучшее время. Но если княжество Ханьци становится подвассальным Цзин-го, то и ее народ теперь не чужой вам. Товарообмен — прочная основа союза, а ценные породы меха — один из основных товаров северных земель. Не стоит обижать их пренебрежением. К тому же, их территории не так плодородны, как наши равнины, а их дети хотят есть не меньше. Но и отдавать столько риса, даже по заниженной цене, я не стал бы.

Принцесса растерянно посмотрела на наставника. Иногда понять, к чему он клонит, было совершенно невозможно!

— Так какое решение следует принять?

Юй Шань помедлил с ответом. Он опустил глаза и потерел белую кисточку, свисавшую с его простого пояса.

— Ваше Высочество, попросите советника Цзяна дать наставление по этому вопросу на малом совете Гунцин. Уверен, у него есть свои соображения и предпочтения. Советник бывает горяч на голову, но имеет трезвые суждения, огромный опыт и глубокое знание регионов. Его помощь сложно переоценить.

Произнеся это, даос поднялся на ноги и добавил:

— Ваше Высочество, я знаю, что главный распорядитель Чжао ожидает вашего внимания, чтобы обсудить завтрашнюю церемонию приветствия генерала Вэя и представления вам принца-заложника княжества Ханьци. Не смею вас обременять своим присутствием.

При имени генерала, произнесенного этим холодным голосом, сердце Ли Шуан прыгнуло в груди, а ресницы взметнулись, словно испуганные мотыльки. Наверняка, ее реакция не осталась незамеченной: губы даочжана слегка дрогнули. Принцесса сжала кулаки и даже не попросила наставника остаться и послушать про церемонию, чего требовала простая вежливость. Не хочет, и ладно! Уж как приветствовать героя, она сообразит сама! Жалко, конечно, что траур еще не окончен, и ей придется предстать перед Вэй Чжэном в грубом белом платье. С другой стороны, истинная красота — внутри, а не снаружи!

Задумавшись о завтрашнем дне, Ли Шуан улыбнулась своим мыслям. Она даже не заметила, как даосский мастер бесшумно покинул кабинет.

[1] Советник Юй и принцесса Ли Шуан по очереди цитируют изречение из «Дао Дэ Цзин», Лао-цзы; пер. с кит. В.В. Малявина. — Москва : Издательство АСТ, 2025.

[2] Там же.

знатные господа и советники двора были облачены в простые белые одежды. Однако на их лицах сегодня читались непривычные эмоции: возбуждение, радость и любопытство.

Белая волна выплеснулась и за пределы зала: дворцовая площадь была заполнена его служащими и жителями. Люди ждали, когда генерал Вэй Чжэн вместе со своими командующими и отобранным отрядом отличившихся воинов проедут на конях по улицам столицы и въедут в Запретный город, чтобы все собравшиеся смогли приветствовать героя битвы при Цзехэ, принесшей победу империи, и его воинов.

Даочжаню и самому было интересно взглянуть на прославленного полководца. Мужчина приходился ему ровесником, ему было около тридцати лет, однако ни в юности, ни в пору своих редких визитов к императору Юй Шань так и не довелось с ним познакомиться. Отец героя, генерал Вэй, встретил смерть, не слезая с боевого коня, и сына своего воспитал в том же суровом аскетичном духе. Поэтому Вэй Чжэна чаще можно было встретить в походной палатке на границе империи, чем в парадных залах Запретного города.

Боковая дверь, ведущая из внутренних покоев дворца в зал приемов, отворилась, и внутрь вошла гунчжу Ли Шуан. Юй Шань кинул на нее быстрый взгляд прежде, чем опустить голову в малом поклоне.

Принцесса, хоть и была, как все, облачена в простое траурное платье, излучала сегодня всем своим обликом нежную красоту и радостное предвкушение. Даже походка ее не походила на старательную поступь наследницы престола, копирующую повадки своего отца. Это были легкие и быстрые шаги юной девушки. Юй Шаню удалось сдержать и тонкую улыбку, и рвущийся из груди вздох: лицо его осталось бесстрастным, как и полагалось даосскому мастеру. Но мужчина был уверен, что разгадал творившиеся в душе его подопечной волнения, и предчувствовал, что вскоре Ли Шуан ждет тяжелое потрясение.

Однако этот день принадлежал герою Вэю, и Юй Шань не собирался его портить своими речами или действиями. Он пришел сюда в первую очередь за тем, чтобы понаблюдать за новыми фигурами, появившимися на игровой доске Запретного города.

Наконец ликующие крики толпы возвестили о том, что генерал и его войско вступили на камни дворцовой площади. Вскоре послышался мерный топот копыт: выученные кони в боевых доспехах тяжело ступали ряд к ряду, заставляя вздрагивать стены древних строений.

Толпа в зале расступилась, и в образовавшийся коридор из людей вошел статный мужчина в фиолетовом одеянии и неброских темных доспехах. На его наплечиях красовались оскаленные морды тигров. И сам мужчина немного напоминал тигра: было видно, что это сильный и твердый человек, привыкший сражаться бок о бок со своими солдатами. Об этом свидетельствовал и твердый взгляд его ясных широко распахнутых глаз, и свежий шрам, прошедший слева от виска к скуле по лицу генерала.

Приблизившись к возвышению, на котором стоял императорский трон, Вэй Чжэн опустился на колени и протянул двумя руками бирку[1] в виде половинки золотой «рыбы» — печать главнокомандующего, дарованную императором. Ли Шуан тут же встала с украшенного золотом трона, спустилась по ступеням, подняла героя с колен и приняла из его пальцев бирку.

— Господин главнокомандующий, мы безмерно признательны вам за вашу преданность и блестящую службу! Победы, одержанные вами, наполняют наше сердце радостью. Мы не смеем ни на день забирать из ваших рук знак нашего доверия, надеясь, что ваши храбрость и умения продолжат служить на благо всей империи!

С этими словами принцесса вложила бирку обратно в руки Вэй Чжэна. Юй Шань с интересом наблюдал за тем, как блеснули глаза генерала. Тем не менее, ответ его прозвучал, как и положено, достойно и учтиво:

— Благодарю гунчжу за добрые слова и высокое доверие. Нет большей радости, чем отдать жизнь на службе императору и стране!

На последних словах голос Вэй Чжэна слегка дрогнул. Он добавил, более тихо:

— Я скорблю вместе с народом о безвременном уходе императора. Примите мои искренние соболезнования. Я бы хотел почтить память Сына Неба чуть позже.

— Благодарю, генерал. Эта скорбь останется вместе с нами навсегда.

Со своего места наставник принцессы не мог видеть выражения ее лица, но он ощутил, как в этот момент словно искорка теплой, трепещущей ци пробежала от принцессы Шуан к генералу Вэю. Советник нахмурился и понадеялся, что присутствующие в зале советники не заметили ничего неподобающего в отношениях этих двоих. Хоть Ли Шуан и была с детства знакома и дружна с Вэй Чжэном, теперь она являлась наследницей престола, без нескольких минут императрицей. Слухи о возможном чувстве гунчжу к своему главнокомандующему были бы некстати. И, хоть даосский мастер сам придавал мало значения таким вещам, за время пребывания во дворце он понял, что люди при дворе обращают особое внимание на подобные нюансы в отношениях.

Будто уловив спиной недовольство даочжэня, Ли Шуан обратилась к генералу совсем с другой интонацией:

— Господин главнокомандующий, я вижу, что вы прибыли не один. Представьте же нам храбрецов, которые вместе с вами добыли победу для нашей империи!

Юй Шань уловил еле различимый выдох: Чжао Ган, стоявший справа от него, перевел дух и расслабился. Принцесса не забыла его наставления и обратила внимание на других героев, прибывших во дворец.

[1] Бирка ## (Юйфу) — это специальный знак отличия, сделанный из определенного материала (золота, серебра и др.). По второй половинке, хранившейся у императора, происходила идентификация.

<https://shdevrum.ai/post/af70500b342f11f19dab827fefcffe13/>

4.

Началась церемония представления и награждения отличившихся в боях воинов. Мастер Юй краем глаза следил за подходящими к императорскому трону мужчинами. Все они выглядели доблестно и благонадежно и не вызывали сомнений в своей преданности трону. Поэтому основное внимание даочжань уделил наблюдению за поведением окруживших трон чиновников и благородных господ. По тому, как реагировали эти люди на похвалу в адрес того или иного воина, становилось видно, кто кого поддерживает при дворе.

Разумеется, все знали одно из условий Последней воли императора: гунчжу должна выйти замуж, чтобы принять титул императрицы. Это заставило многие благородные семьи столицы устроить негласный рынок женихов. Длившийся траур сдерживал разговоры о будущей свадьбе Ли Шуан и прилюдные толки о том, кто в итоге станет ее избранником. Однако Юй Шань знал, что в столице уже потихоньку делают ставки на некоторых юношей из знатных родов Цзин-го. Пару раз в донесениях императорской охранной службы даже звучали имена иноземных правителей. Имя главнокомандующего Вэя также не было обойдено вниманием предприимчивых дельцов и сплетников.

Вскоре принцессе Шуан исполнилось восемнадцать, так что по истечении стодневного траура, если не будет других препятствий и событий, можно было огласить имя будущего супруга. Самым интересным во всем этом было то, что выбор жениха для гунчжу покойный император тоже поручил Юй Шаню. Советники двора знали об этом, и за этот месяц было уже несколько попыток склонить даочжана в пользу того или иного кандидата. Однако мужчина колебался в выборе. Его не покидало ощущение, что подходящего для его планов человека он еще не встретил.

Прошло больше часа, пока все достойные награды воины не были представлены наследной принцессе. Утомленные долгой церемонией зрители начали переговариваться, сравнивая розданные сегодня награды и рассуждая о стоимости даров. По залу тут и там вспыхивали шепотки и смешки. Но тут генерал Вэй снова приблизился к трону и, глянув на стоявших по обе стороны от него Юй Шаня и Цзян Вэньбо, спокойно обратился к принцессе:

— Ваше Высочество, я имел честь сопровождать в походе от границы северного княжества в Юньань четвертого принца Ханьци Его Высочество Лин Ци Сюя. Мне кажется, невежливо продолжать держать его за дверями дворца. Прикажете сопроводить принца для представления вам?

Мастер Юй заметил, как при этих словах поджал губы Чжао Ган, и подумал, что старик, наверное, корит себя за то, что не вспомнил раньше сам о принце и заставил того ждать на площади. Ли Шуан вопросительно взглянула на главного распорядителя, и тот поспешно произнес:

— Генерал Вэй совершенно прав, это мой промах, прошу простить за него. Ваше Высочество, позвольте, я сам схожу и приглашу принца пройти в зал?

Принцесса молча кивнула. Юй Шань ощутил, как девушка напряглась и сосредоточилась, спина ее выпрямилась, жесты тут же стали сдержанными и скупыми. Она молча указала Вэй Чжэну на место на возвышении слева от себя и перевела взгляд на распахнувшиеся двери.

Все шепотки в углах мгновенно стихли, и двое человек проследовали к трону в опустившейся на зал тишине.

Не дойдя десяти шагов до гунчжу, советник Чжао громко возвестил:

— Его Высочество принц княжества Ханьци Лин Ци Сюй! — и отошел в сторону, оставив принца в одиночестве под обстрелом больше сотни пар глаз.

Юй Шань внимательно рассмотрел оказавшегося почти перед ним юношу. Стройный и высокий для своих лет: было известно, что принцу недавно исполнилось девятнадцать.

Узкая талия была перехвачена широким поясом с серебряными бляхами, с которого свисали несколько амулетов в виде кисточек с бусинами из полудрагоценных камней и перьями. Изящный торс юноши был затянут в характерный для северных варваров темно-синий пао[1] с узкими рукавами, украшенный мехом. Длинные черные волосы, заплетенные в косы от самого лба, образовали подобие короны над правильной формы скуластым лицом с узким подбородком. Темные мерцающие глаза в форме пера феникса[2] смотрели прямо и вызывающе.

Мастер Юй встретился с юношей взглядом, и тут же заметил, как на секунду глаза того наполнились ужасом, а все тело вздрогнуло, будто он собрался развернуться и бежать из зала. В следующую секунду принц Лин опустил взгляд, а когда перевел его на сидящую на троне принцессу, в глазах уже ничего не отражалось, как будто на них опустили занавес.

Юноша сложил руки перед собой в жесте приветствия и сдержанно произнес:

— Желаю долгих лет гунчжу империи Цзин Ли Шуан! — Его негромкий низкий голос был приятен на слух, а речь, хоть и звучала более прерывисто, чем привыкли в Юньани, оказалась чистой и правильной.

Девушка слегка склонила голову и ответила особым «императорским» тоном, который, как уже знал Юй Шань, появлялся, когда на Ли Шуан находила неуверенность на людях:

— Мы приветствуем принца Лин Ци Сюя. Надеюсь, ваше долгое путешествие прошло без излишних тягот и неудобств?

— Благодарю, обо мне хорошо заботились в дороге, — негромко ответил тот, и даос уловил в его голосе неясные нотки. И этот полный ужаса взгляд — что бы он мог означать?.. Принц заинтересовал советника, и мужчина решил в ближайшее же время поговорить с ним наедине и узнать поближе.

Пока Юй Шань предавался размышлениям, Лин Ци Сюй опустился перед троном на оба колена и все так же негромко, но очень четко произнес:

— Я прибыл ко двору императора Цзин-го, чтобы подтвердить мирные и союзнические намерения своего отца князя Ханьци Лин Чэ, принести вассальную клятву от его имени и своей жизнью послужить гарантом его дружеского отношения к трону империи Цзин.

— Мы принимаем ваши заверения. Встаньте, Ваше Высочество, — голос Ли Шуан прозвучал так официально, что советник оторвался от изучения лица принца и перевел взгляд на принцессу. Но та уже поднялась с трона и, обернувшись к Чжао Гану, негромко добавила:

— Советник, позаботьтесь о принце, поместите Его Высочество в надлежащее его статусу жилище. Генерал Вэй, если вы не устали, я бы хотела лично сопроводить вас в поминальный зал, чтобы поклониться нашему отцу-императору. С остальными господами мы увидимся после на малом заседании гунцин. Вас оповестят о дате.

Принцесса в сопровождении Вэй Чжэна удалилась в боковую дверь. Собрание было окончено. Чжао Ган увел принца в другую дверь.

Юй Шань заметил долгий взгляд, которым наградил их удаляющиеся фигуры советник Цзян прежде, чем развернулся и направился к выходу. Даос нахмурился. Пожалуй, сегодняшний день и новые действующие лица принесли даже больше мыслей и предположений, чем он рассчитывал.

[1] Пао #, (páo) — запашной кафтан или халат из дорогой ткани — шелка или тонкого войлока, с узкими рукавами, у знати украшенный вышивкой и мехом (Википедия).

[2] Глаза в форме пера феникса, глаза феникса ## (Fèngyǎn) — длинные глаза с двойными веками и небольшими «хвостиками», идущими вверх и вниз (ВикиЧтение).

5.

Лин Ци Сюй проводил взглядом советника Чжао Гана и, как только тот вышел из комнаты, обессиленно опустился на край кушетки. Его ноги дрожали, голова кружилась, а сердце

билося так громко, что наверняка неровный стук был слышен во всем Запретном городе. Внезапная встреча в императорском зале приемов заставила юношу ощутить себя подвешенным между небом и землей.

Ци Сюй попытался размеренно дышать, чтобы успокоиться, но спустя минуту устало закрыл глаза руками. Плечи его дрогнули и опустились. Еще удивительно, как ему хватило сил держаться во время всего приема во дворце и позже, пока они с главным распорядителем шли к небольшому домику в дальнем конце Запретного города, изящно названному «Дворцом Цветущей сливы». Дом действительно был окружен раскидистыми ветвями нескольких слив мэйхуа, и господин Чжао что-то пробормотал про то, что эти деревья, растущие и на севере, скрасят принцу тоску по родине.

Если бы Лин Ци Сюй был в своем обычном состоянии духа, то наверняка не сдержал бы саркастической усмешки. Услышать, что он будет тосковать по землям и оставленным им людям Ханьци было, по меньшей мере, забавно! Но дух его уже больше месяца пребывал в смятении, а долгая дорога и почти полное отсутствие сна вымотали так, что он не был способен ни смеяться, ни отвечать на вопросы старого советника.

Того очень удивило, что принц прибыл без сопровождения. Ци Сюй не стал рассказывать, что сам попросил генерала Вэя отослать двух присланных отцом слуг обратно, так как с самого начала опасался какого-либо подвоха. При четвертом принце никогда не было прислуги, кроме одной старухи, которая ухаживала за мальчиком с самого его детства. Да и жил он в Ханьци в условиях гораздо более худших, чем в выделенном ему теперь скромном уединенном домике.

Одиночество было постоянным и единственным спутником юноши на протяжении всей его жизни. Нелюбимый младший сын отца от одной из наложниц, росший без материнской ласки — мать умерла, когда Ци Сюй был совсем маленьким. Ему сказали, что мать заболела неизлечимой болезнью, и, хотя позже он слышал разные слухи о ее смерти, смирился с тем, что правды об этом, скорее всего, так и не узнает.

Ци Сюй, хоть и прилежно учился драться и скакать верхом, как то было положено юноше его рода, никогда не находил удовольствия ни в войне, ни в охоте. Предоставленный сам себе, он всегда предпочитал иероглифы клинкам. Младший сын был быстро определен свирепым и жестоким князем Ханьци в «никчемные».

Юношу это устраивало. Да, его вполне устраивала тихая, незаметная жизнь младшего «никчемного» принца. И вот чуть больше месяца назад он был вынужден отправиться в Цзин-го в качестве гаранта только что заключенного его отцом шаткого мира.

Ци Сюй прекрасно понимал, насколько малую ценность он представляет для собственного отца и насколько велики амбиции северного князя. Как только Лин Чэ сможет собрать соратников для нового нападения на империю Цзин, он нарушит мирный договор. Останется ли при этом в живых его четвертый сын, князя будет волновать чуть меньше, чем опавший по осени листок сливы.

Поэтому отправляясь в Цзин-го, юноша заранее приготовился к тому, что ему предстоит как можно быстрее найти здесь союзника и покровителя, который сможет поручиться, что принц не вынашивал зла против империи и не был заодно с отцом.

Мог ли он знать, что всю поездку его будут мучить ужасные кошмары и пугающие предчувствия? И что сразу же по прибытии в столицу встретится с обладателем этого холодного пронизательного взгляда, который вот уже месяц мучил его по ночам?!

Осознав, что высокий мужчина в белых одеждах реален и, кроме того, является приближенным к императорскому трону, юноша мысленно приготовился к тому, что его кошмар вот-вот сбудется наяву. Какой покровитель смог бы защитить его от такого врага?

Когда вместо тюремного застенка, советник Чжао привел его во дворец Цветущей сливы, Ци Сюй даже удивился.

Хотя это еще ничего не значило. Пугающий мужчина в белом мог объявиться в любую минуту, и юноша не знал, что сможет ему противопоставить. А то, что этот мужчина обладает мощной духовной силой, он понял сразу же. Принц немного практиковал магические техники: это не было принято при дворе князя Лина, но на «никчемного принца» никто не обращал внимания, а его старая служанка была из народа Бэйхунь[1] и немного учила принца своей магии. Но, разумеется, его знаний не хватило бы, чтобы противостоять такому противнику.

Ци Сюй снова постарался успокоиться, но мысли его в испуге разбегались, а внутренний взор заполонила неподвижная фигура в белом, чье появление несло за собой нестерпимую боль. Он снова погрузился, теперь наяву, в свой повторяющийся кошмар, во всех деталях, какие только смогло воспроизвести измученное сознание. Вслед за этим юноша вспомнил вкрадчивый голос, произносивший слова сочувствия. Голос, обещавший научить его защищаться, если только Ци Сюй сможет найти его обладателя наяву.

Внезапно ухо юноши уловило тихий шорох в углу комнаты. Он отнял руки от лица и быстро глянул в ту сторону. Оказалось, принц просидел без движения так долго, что на улице стемнело, и в комнате теперь царил полумрак.

Ци Сюй не заметил никаких признаков жизни в пустом темном углу и хотел было усмехнуться и обругать свою пугливость, как вдруг прежде пустая мгlistая тьма сгустилась и обрела форму. Из угла к нему двинулась неясная фигура, закутанная в черный плащ. Сделав несколько шагов, она остановилась и обрела более ясные очертания. Ци Сюй распознал мужчину, которого видел впервые в жизни. На едва заметном лице незнакомца полыхнули красным светом узкие глаза.

— Ну что, мальчик, убедился, что я был прав? — Голос оказался знакомым. Именно он жалел принца в ночных кошмарах!

— Кто вы? — настороженно спросил юноша.

— Я — твой учитель. Если, конечно, теперь ты мне веришь и готов.

— Как вы здесь оказались? — Ци Сюй вскочил на ноги, но тут же пошатнулся и был вынужден сесть обратно. Мужчина тихо рассмеялся.

— Бедняжка, ты так напуган, что не знаешь, чего бояться больше! Так вот, меня опасаться не стоит. — Он еще немного приблизился, и принц разглядел бледное худощавое лицо и свободно спадающие на плечи черные волосы.

— Мне знаком ваш голос, — неуверенно проговорил юноша.

— Конечно, — кивнул его гость, — а я все знаю про тебя. Я обычно не помогаю людям, но тебя мне стало жаль. Младший и нелюбимый сын отца, сирота, жертва заговора и чужих амбиций, попавший в жернова двух государств. Игрушка для безжалостного мастера, приближенного к трону Цзин-го. Ты ведь убедился, что он реален? Этот человек действительно существует и обладает огромной силой. Ему ничего не стоит сожрать тебя целиком и выплюнуть по отдельности каждую косточку!

При этом сравнении Ци Сюй ощутил, будто его кости перемалывают так же, как в тех жутких снах, и еле удержался, чтобы не застонать от огненной вспышки боли в голове.

— Чего же тебе еще нужно, чтобы решиться? — вкрадчиво спросил его незванный гость.

— А зачем вам учить меня? — все же нашел в себе силы на вопрос юноша.

Незнакомец снова рассмеялся.

— Вижу, что страх заставил твой ум шевелиться! Хорошо, отвечу тебе. Я, видишь ли, не люблю, когда в мире появляется такая свирепая сила, если она не принадлежит мне. И мне интересно ее уничтожить, в данном случае — твоими руками. Я на твоей стороне, мы союзники! Решайся же, Лин Ци Сюй! Второго шанса не будет!

Юноша опустил глаза. В словах мужчины был толк. И, как бы то ни было, другого способа противостоять угрозе он найти не мог. Да и что он теряет, если обучится демоническим практикам? В том, что перед ним стоит могущественный демон, Ци Сюй уже не сомневался.

Он снова встал с кушетки и опустился на колени. Стиснув зубы, отбил три ритуальных поклона и негромко произнес:

— Учитель, прошу дать мне наставление.

Негромкий смех демона, раздавшийся в тишине комнаты, заставил сердце юноши подскочить к горлу. Но назад дороги уже не осталось: слово было произнесено.

[1] Бэйхунь ## (Běihūn) — «Северный мрак».

6.

— Генерал Вэй, прошу, задержитесь на несколько минут!

Мужчина, уже сделавший несколько шагов к выходу из зала малых церемоний, удивленно обернулся. Ли Шуан призывно смотрела на него, не обращая внимания ни на кланявшихся ей перед уходом сановников, ни на недоуменные взгляды советников Чжао и Цзяня, ни на слегка нахмурившиеся брови наставника Юй Шаня. Ей необходимо было поговорить с Вэй Чжэном наедине, немедленно! Она столько времени этого ждала!

Два дня назад, когда генерал Вэй прибыл во дворец, они вместе посетили зал предков. Однако в тот раз им не удалось поговорить: Вэй Чжэн полностью отдался ритуалу скорби, долго стоял перед памятной табличкой и так и не произнес ни слова. К тому же, согласно требованиям этикета и статусу принцессы, их сопровождали несколько слуг, а Ли Шуан не собиралась заводить откровенных разговоров в присутствии чужих ушей.

С того вечера они больше не виделись, и вот сегодня генерал прибыл в Запретный город, чтобы на малом заседании гунцин рассказать подробности о проведенной им военной кампании и передать свои записи о состоянии войск советнику Цзяну — тот ведал сведениями обо всех доходах и расходах империи.

Наследная принцесса на протяжении всего совета так и не смогла сосредоточиться на содержании беседы и только нетерпеливо разглядывала решительный профиль Вэй Чжэна и каждый раз еле слышно вздыхала, замечая шрам на его левой скуле.

Теперь, уведя генерала в беседку своего сада, она позволила себе легонько прикоснуться к шраму кончиком пальца и с притворной строгостью произнесла:

— Брат Вэй, шрам еще болит? Как можно быть таким беспечным и не беречь себя?

В детстве она часто обращалась к Вэй Чжэну именно в таком шутилом тоне, и молодой мужчина всегда поддерживал игру, позволяя Шуан-эр оттачивать на нем навыки женского кокетства. Однако теперь он сделал шаг назад, уперевшись спиной в колонну беседки и, опустив взгляд, ответил:

— Благодарю гунчжу за заботу, совсем не болит. В бою не обращаешь внимания на такие мелочи.

Ресницы Ли Шуан встрепнулись и опустились, девушка почувствовала, как щеки ее залил румянец. Она отвернулась и отошла к другой стороне беседки, сорвала с ближайшего куста ветку османтуса с еще не обрезанными засохшими соцветиями и стала обрывать их по одному нервными пальцами.

— Ваше Высочество хотели о чем-то поговорить с этим подданным? — осмелился наконец нарушить напряженную тишину мужчина.

Принцесса тут же резко повернулась к нему лицом и быстро спросила:

— Почему ты такой? Мы не виделись два года, и теперь ты ведешь себя так, будто мы не знакомы! Будто ты никогда не дарил мне подарков, не носил меня на плечах... — заметив промелькнувшую в глазах Вэй Чжэна растерянность, она осеклась и еле слышно добавила: — Я так ждала твоего возвращения. После смерти императора у меня не осталось никого ближе тебя. Но ты так холоден, так безупречно вежлив. Что я сделала не так, Чжэн?

Голос ее дрогнул, Ли Шуан отвернулась, но плечи девушки предательски затряслись и выдали смятение. Мужчина подошел ближе, руки его дернулись было обнять девушку, но тут же опустились, сжавшись в кулаки. Наконец он осторожно коснулся ее плеча.

— Шуан-эр, прошу, не плачь, пожалуйста. Позволь мне разделить твою скорбь по ушедшему отцу. Клянусь, если бы я мог умереть вместо него, то так бы и сделал. Я бы сделал все, что угодно, чтобы защитить маленькую принцессу. Но... — он замялся и, поняв, что Ли Шуан не собирается облегчать его положение, вздохнул и продолжил: — но Ваше Высочество выросли и приняли титул гунчжу. Я же был и остаюсь главнокомандующим императорской армии. Я всегда буду защищать вас, но больше не имею права называть вас по имени. Даже то, что мы сейчас разговариваем наедине, наверняка завтра же будет обсуждаться во всех комнатах Запретного города. Любая сплетня, даже самый слабый намек на неподобающее поведение способен нанести серьезный урон вашей репутации, и я не могу этого допустить.

Ли Шуан, не оборачиваясь, раздраженно взмахнула рукой, жестом приказывая ему замолчать. Вэй Чжэн сделал шаг назад и с чувством проговорил:

— Ваше Высочество, простите мне мою прямооту. Я всегда гораздо увереннее чувствовал себя на поле боя, чем во дворце, и не умею красиво изъясняться. Вы сейчас в очень уязвимом положении. Его Величество возложил на ваши плечи заботы о своей стране, веря, что вы сможете продолжить его дело. Вам надо заботиться о себе и не давать никому повода усомниться в том, что ваш отец избрал верного преемника. Вы сами знаете, наложница Ван спит и видит, что вы оступитесь, и тогда она сможет поднять вопрос о провозглашении ее сына наследником престола!

Девушка не ответила и даже не обернулась. Тогда Вэй Чжэн продолжил, и голос его прозвучал тускло и безжизненно:

— Я всегда буду вспоминать о годах, когда вы были милой беззаботной девочкой, что с улыбкой встречала меня из очередного похода, в который ваш отец-император посылал мое войско. Они останутся в самом потаенном уголке моей памяти, там, где находятся самые дорогие образы. Но вы теперь не та девочка, и я не могу оставаться вашим названным братом.

Снова не дождавшись ответа, мужчина встал и, низко поклонившись в спину дрожащей, как натянутая тетива, девушки, развернулся и вышел из беседки.

Только тогда принцесса обернулась и посмотрела вслед генералу блестящими от слез глазами. Губы ее дрожали, но она все же прошептала:

— Чжэн, какой же ты непроходимый тупица! Неужели ты так ничего и не понял?

Она опустила голову. В глубине души Ли Шуан признавала, что Вэй Чжэн был прав, и от этого становилось еще больнее. Неужели ей придется сдаться, уступить судьбе?

Пальцы до боли стиснули ободранную ветку и с хрустом переломили пополам.

Юй Шань единственный остался сидеть и ждать Ли Шуан в опустевшем зале малых церемоний. Когда из двери, ведущей в сад, вышел генерал Вэй, даос бросил на него быстрый взгляд, но тут же опустил глаза. Смятение, в котором пребывал Вэй Чжэн, встревожило советника. Он догадывался, что юная принцесса испытывает теплые чувства к генералу, но, едва увидев его в тронном зале два дня назад, понял, что этот мужчина — человек чести и не позволит себе ничего предосудительного. Ему не надо было слышать разговор между этими двумя, чтобы понять, что произошло. По напряженным плечам и смущенному взгляду генерала он понял, что тот только что одержал победу, но слишком дорогой для него ценой.

Слегка покачав головой сам себе, Юй Шань поглядел на быстро удаляющуюся фигуру Вэй Чжэна. Генерал его не заметил, и это было к лучшему. Вряд ли он бы обрадовался, если бы понял, что у одолевавших его чувств нашелся свидетель. Пожалуй, и к Ли Шуан сейчас лучше не ходить — девушке надо успокоиться после состоявшегося между ними разговора.

Зато появилось время, чтобы навестить еще одну фигуру, оказавшуюся втянутой в начавшуюся игру. Юй Шань встал, вышел в боковую дверь приемного зала и направился к дальней стороне Запретного города.

7.

Вэй Чжэн почти выбежал из дворца наследной принцессы и некоторое время быстро шел по Запретному городу, не разбирая дороги, пока не очутился на главной площади перед Большим императорским дворцом. Он посмотрел по сторонам, увидел главный парадный вход с занавешенным белым покрывалом девизом императора Ли Вэйлуна «Сильная страна и процветание» над входом.

Голову мужчины пронзило резкой болью, так, что он был вынужден ухватиться за нее обеими руками. На его счастье, начавшийся дождь разогнал младших советников и дворцовых слуг, так что наблюдать за растерянно стоявшим посреди серых камней площади генералом, кроме почетного караула, было некому.

Вместе с головной болью на мужчину нахлынуло воспоминание о сновидении, которое уже несколько раз посещало его за время, пока он с войском возвращался от северной границы в столицу империи.

В нем он беседовал с богом войны — высоким и широкоплечим, гораздо больше него самого, небожителем, со свирепым лицом, покрытым шрамами — свидетельством участия его в многочисленных жестоких боях. От всей фигуры веяло сокрушительной мощью и чем-то еще, чему генерал Вэй никак не мог подобрать подходящего выражения: безжалостностью? Свирепостью? Безразличием к слабостям других?

Бог войны убеждал Вэй Чжэна, что необходимо продолжить наступление на север и подчинить себе племена, живущие за княжеством Ханьци. С саркастичной усмешкой небожитель обзывал его нерешительным мышонком, недостойным сыном своего отца, угрожал, что из-за его мягкотелости Цзин-го попадет в беду, когда северные княжества объединятся и нападут сами.

Вчера же сон Вэй Чжэна обрел внезапное продолжение.

— Чего ты достиг, Чжэн-эр? — оскорбительно сюсюкая, протянул бог войны. Он возвышался над лежащим мужчиной, заложив большие пальцы за широкий кожаный ремень с богатой вышивкой. — Посмотри на себя! Ты мог бы стать правителем, императором! Чуть больше решительности и честолюбия — и весь мир оказался бы у твоих ног! Не надо было заключать этот шаткий мир с Лин Чэ! Сам посуди, что он дал Цзин-го? Передышку? Пха! Ты бросил северную границу, оставил там всего два жалких отряда — думаешь, они защитят границу от северных варваров? Или ты считаешь, что угроза жизни этого запуганного мальчишки, которого ты привез с собой, сдержит в князе Ханьци жажду реванша? Тогда ты действительно глуп!

Смех бога войны грохотал, как раскаты грома. Вэй Чжэн даже во сне понимал, что все происходящее нереально, и старался сдержаться и не отвечать странному собеседнику. Тот же подошел вплотную, как делал в его снах уже не раз, навис над мужчиной всем телом и, вперив в него тяжелый и полный презрения взгляд, сказал:

— Если у тебя есть хоть капля честолюбия и желания возвыситься, как достойно благородного мужа и воина, ты воспользуешься своим шансом завтра же, во дворце!

Дойдя до этого воспоминания, Вэй Чжэн вздрогнул и открыл глаза. Только теперь он до конца понял, что имел в виду неизвестный ему бог войны. В памяти вновь возникли подрагивающие плечи и гордая посадка изящной девичьей головки с убранными в скромную прическу гладкими волосами. Он снова увидел россыпь мелких сухих цветков османтуса, усеявших деревянный пол беседки. Если бы он захотел, то мог бы стать супругом императрицы — он был в этом почти уверен. И теперь догадался, что его иллюзорный собеседник прекрасно про это знал.

Но Вэй Чжэн не мог так поступить! Он осознавал, что не был рожден для этой роли. Занять место у трона значило предать доверие императора и заслужить презрение отца, следящего за ним с того света. Несмотря на промочивший его почти насквозь дождь, мужчина ощутил, как по спине пробежала струйка холодного пота. Может, для кого-то другого воспользоваться таким шансом было бы верхом мечтаний, но не для него, генерала императорского войска в третьем поколении!..

Плечи Вэй Чжэна устало опустились. Сегодняшний разговор с принцессой отнял у него сил больше, чем добрая схватка на поле боя.

— Господин главнокомандующий, что же вы стоите под дождем, совсем промокли! — Голос, лишенный силы, но обладающий особой властью заставил его выпрямиться. К нему, с бамбуковым зонтом в руке, спешил советник Чжао Ган. — Идите скорее под зонт, давайте я провожу вас в сухое место!

Вэй Чжэн, все еще не в силах говорить, благодарно склонил голову и пошел вместе с главным распорядителем к террасе дворца. Как будто не замечая его скованного молчания, Чжао Ган продолжил:

— Прошу генерала Вэя простить старика за неучтивость, я ведь до сих пор не поздравил вас с одержанной победой и заключением мирного договора! Столько дел навалилось в последние дни, а силы уже не те.

— Не стоит извиняться, господин советник, — наконец смог выдать Вэй Чжэн.

— Вы слишком любезны, генерал! И вот еще что, главнокомандующий Вэй, я ведь непросительно халатно отнесся не только к вам, но и к привезенному вами заложнику: бросил без заботы, послав в его дом только одного слугу. Не могли бы вы помочь мне загладить вину и рассказать о принце Лине все, что известно?

— Все, что известно? — растерянно переспросил мужчина. — Но зачем вам это?

— Как же, господин Вэй! Конфуций сказал: «Успех зависит от предварительной подготовки», а я, старик, оказался неподготовленным. Я отвечаю за всех проживающих в Запретном городе, и моя прямая обязанность — обеспечить соблюдение необходимых ритуалов и обращение каждому согласно статусу.

— Не думаю, что этот юноша стал бы обращать внимание на ненадлежащее отношение к нему. — Генерал все еще был погружен в свои мысли и отвечал советнику рассеянно. — Он к такому привык с детства. Мне принц показался напуганным и больше всего желавшим, чтобы про него все забыли.

— Признаться, я был удивлен, что князь Лин Чэ отправил своего сына в Юньань совсем одного, без сопровождения, — заметил старик.

— Ах, это! — вспомнил Вэй Чжэн. — Принц сам попросил меня отослать выбранных его отцом людей обратно. Мне показалось, он не доверял им.

— Вот как! — Советник понимающе покивал. — А есть ли еще что-то, о чем мне следует знать?

— Боюсь, ничем больше не смогу вам помочь, уважаемый советник Чжао. — Мужчина пожал плечами. — Кажется, дождь прекратился, благодарю, что укрыли меня от ненастья. Теперь я не смею больше отвлекать такого занятого человека.

Не дожидаясь, пока советник Чжао придумает еще какой-нибудь вопрос, генерал поспешил покинуть террасу императорского дворца и сам Запретный город. Поэтому он не заметил, как морщинистое лицо главного распорядителя осветила тонкая довольная улыбка и старик пробормотал себе под нос:

— Одинок и не доверяет даже отцу. Вряд ли он сможет стать помехой. Хорошо, хорошо! И все же я мудро поступил, приставив к нему Сяо Доу. Тот умеет держать ухо востро!

Не застав принца Лин Ци Сюя в его покоях, Юй Шань удивился. Куда мог уйти чужеземный юноша, всего пару дней назад прибывший в Запретный город?

Сам даос, хоть и насторожился, при первой встрече поймав на себе полный ужаса взгляд, до сих пор так и не выбрал время поговорить с принцем. Сейчас у него как раз освободился вечер для беседы. Куда же тот мог подеваться?

Юй Шань недовольно пожал плечами, но тут же остановился, снял с пояса метелку и начертил ею в воздухе перед собой знак умиротворения. После того, как он покинул пик Небесного Света, мастер часто стал ловить себя на раздражении и тревоге и досадовал, что тщательно взращенное спокойствие духа оказалось на поверку не таким уж прочным.

Хотя, положив руку на сердце, у него было серьезное основание для тревоги: Лунный нефрит с поврежденной сердцевиной. Хоть камень и находился сейчас в двух тысячах ли от него, Юй Шань ощущал его ци через установленную в последнее посещение школы связь и знал, что артефакт не восстановился. С другой стороны, червоточина пока не распространялось дальше, и это давало мастеру время, чтобы найти причину и способ возродить целостность ци камня.

И еще из головы Юй Шаня не шла пережитая в безымянном храме иллюзия, в которой демон и бог войны спорили за обладание Лунным нефритом. Мастер был уверен, что эти два события связаны. Он решил поискать сведения и узнать, какие именно из множества высших существ ему привиделись в тот раз и как с ними справиться.

Что ж, раз у него появилось свободное время, следовало провести его в библиотеке — лучшем месте для подобных изысканий. Император Ли Вэйлун, хоть и повелел разогнать духовные школы, приказал также собрать их книги в дворцовом хранилище. Так что Юй Шань внезапно получил доступ ко всем возможным источникам сведений о богах и демонах, с которыми многие годы сталкивались даосские и буддийские мастера на пути просветления — редкая удача!

Советник направился в отдельно стоящее здание императорской библиотеки. Вход в нее не охранялся, и двое молодых служащих при виде вошедшего даоса в белых одеждах очнулись от дремоты и засуетились, приветствуя высшего сановника поклонами. Юй Шань ощутил, что оба они чем-то смущены. Мужчина взгляделся в полумрак библиотеки и быстро нашел причину: за дальним столиком возле окна виднелась прямая спина юноши с заплетенными в несколько кос волосами. Принц Лин Ци Сюй — вот, значит, как он предпочитает проводить время! Это показалось любопытным.

Сделав знак, чтобы служащие оставили их одних, Юй Шань неслышно прошел к окну и остановился прямо перед склоненной головой принца. Тот настолько увлекся чтением, что не заметил приближения даоса. Только когда его тень упала на столешницу, он вздрогнул, поднял глаза и тут же подскочил со своего места, уронив книгу, которую изучал.

Юй Шань сделал вид, что не заметил его смущения.

— Ваше Высочество, — негромко произнес он, слегка кивнув. Подобрал выпавший из руки принца фолиант в красной обложке с тиснением и императорской печатью, втянул в себя благородный запах сандала, посмотрел на название.

— «Заметки о стратегии ведения войны учителя Суня, собранные генералом Вэем». Вот как? Ваше Высочество, вы увлекаетесь изучением военной стратегии Цзин-го?

— Я... я подумал, что это может быть интересно. Я читал «Искусство войны» и считаю Сунь-Цзи[1] великим стратегом, но генерал Вэй-старший обладал обширным опытом, и его заметки к труду... — Принц вдруг, будто осознав, с кем говорит, смешался и не закончил мысль. Он сцепил пальцы рук в замок и опустил глаза.

— То, что вы говорите, Ваше Высочество, свидетельствует о пытливом уме, это похвальное качество, — бесстрастно заметил Юй Шань. — «Умный каждый день пополняет свои знания».

— «Мудрый же каждый день стирает лишнее»[2], — продолжил цитату юноша, не поднимая глаз. — Вы правы, господин советник, я признаю, что еще недостаточно мудр и хватаюсь за все, что мне вдруг показалось интересным, без разбора и пользы. Я не знал, чем занять себя, и пришел сюда. Надеюсь, что не нарушил по неосторожности никаких правил?

Даос внимательно взгляделся в сосредоточенное лицо юноши, застывшее, словно маска. Тот явно избегал смотреть ему в глаза, а речь его оказалась полной самоуничижения. При этом Лин Ци Сюй не производил впечатления недалекого или плохо чувствующего меру человека. Почему же он так странно вел себя с ним? Была ли это форма защиты? Юй Шань снова вспомнил полный ужаса взгляд и осторожно потянулся к принцу своей ци. Да, так и есть! Он ощутил тщательно скрываемый страх, а еще уловил след темной магии.

Взгляд мастера переместился ниже, на привязанные к поясу принца простые подвески с бусинами, перьями и кистями. Похоже, что эти безделушки были варварскими магическими амулетами. Они вполне могли оказаться источником темной силы, но никак не объясняли страха принца. С другой стороны, испытывать сильную тревогу и неуверенность в его положении вполне допустимо.

Даочжань коснулся амулетов принца своей ци и тут же ощутил неприятную темную магию — она сразу вступила в противоборство с его собственным духовным ядром, оберегая юношу от магического вторжения, и Юй Шань отступил. Все это заняло не больше секунды, но ему показалось, что принц заметил проверку. Теперь мастер заинтересовался им еще больше.

— Что вы, Ваше Высочество, — мягко ответил он, — разве кто-то здесь осмелится порицать тягу к знаниям? Я просто слегка удивился вашему выбору. Хотя это довольно глупо с моей стороны: нет ничего удивительного в том, что сына воинственного князя Лин Чэ привлекла книга, посвященная воинскому искусству.

Мужчина заметил, как при упоминании имени отца плечи юноши слегка дернулись. Кажется, эта тема была ему неприятна. Он вспомнил все, что знал о Лин Ци Сюе: четвертый, младший сын князя от наложницы — кажется, та умерла от какой-то болезни, когда мальчику не исполнилось и трех лет. Мужчина снова посмотрел на принца, и на этот раз на лице его промелькнуло сочувствие.

— Ваше Высочество, прошу прощения, что отвлек вас от чтения, — добавил он. — Я как раз заходил во дворец Цветущей сливы, чтобы узнать, как вас обустроили, но никого не застал. Надеюсь, о вас позаботились надлежащим образом?

Он заметил, как неясная тень пробежала по лицу Лин Ци Сюя. Тем не менее, юноша ответил учтиво:

— Благодарю господина советника за заботу. Господин Чжао выделил мне слугу, который следит за всем необходимым.

— Прошу Ваше Высочество не стесняться. Если этот слуга вам не понравится, скажите, и его заменят, — ответил Юй Шань, и юноша торопливо кивнул. У даоса почему-то сложилось ощущение, что принц не склонен к беседе с ним и старается поскорее ее закончить. Лин Ци Сюй по-прежнему избегал смотреть ему в глаза. Мужчине захотелось немного поиграть с ним.

Он медленно обошел стол и, не спуская с юноши спокойного, изучающего взгляда, придвинул табурет и сделал приглашающий жест рукой.

— Ваше Высочество, прошу вас, садитесь обратно на свое место. — Дождавшись, пока тот усядется и молча полюбовавшись на его идеально прямую напряженную спину, Юй Шань опустил на соседний табурет, заметив: — Надеюсь, вы не будете против мой компании. Я был бы рад узнать, какие еще книги вы успели изучить и, быть может, порекомендовать вам что-то для чтения.

— Что вы хотите узнать? — одними губами спросил принц.

— Например, знакомы ли вы с основными духовными учениями, получившими распространение в Цзин-го?

Юноша еле заметно вздохнул и сильнее сцепил пальцы, но затем вернул лицу подобие безмятежности и молча кивнул. Даос улыбнулся про себя: кажется, принц понял, что быстро закончить разговор ему не удастся, и смирился с этим. Юй Шань отметил, как быстро Лин Ци Сюй сумел взять себя в руки. Этот мальчик казался ему все интереснее. Он был так сдержан, так старался стать незаметным, и при этом проявил и ум, и начитанность. И это сочетание опасной темной магии и страха — что оно могло означать? Темную магию использовали некоторые варварские племена и демоны. Владел ли сам принц такой магией или это всего лишь влияние его охранных амулетов? Связан ли он с затеянной высшими силами игрой? Кажется, перед мастером возникла еще одна загадка, которую предстояло разгадать.

Юй Шань слегка улыбнулся, на этот раз открыто.

— Так что, принц, в какой еще области знаний вы преуспели? Бедный даос, что сидит перед вами, признаться, плохо осведомлен о развитии наук и искусств в северных землях. Просветите меня?

[1] Сунь-Цзы — китайский стратег и мыслитель, живший в VI веке до н. э. Автор знаменитого трактата о военной стратегии «Искусство войны» (Википедия).

[2] Советник Юй и принц Лин по очереди цитируют изречение из «Дао Дэ Цзин», Лао-цзы; пер. с кит. В.В. Малявина. — Москва: Издательство АСТ, 2025.

Глава 4. Первые шаги правителя

1.

Большой совет гунцин был объявлен спустя две недели после приезда генерала Вэя. Юй Шань, по обыкновению, прибыл в малый зал приемов одним из последних, занял место справа от вошедшей одновременно с ним Ли Шуан и обвел всех собравшихся в зале внимательным взглядом. Он отметил нахмуренные брови советника Цзяна — глава Хлебного двора готовился к докладу о состоянии финансов и императорской казны. Судя по его лицу и немного смущенному сосредоточенному лицу его помощника Чжан Е, стоявшего в толпе младших советников, новости были неутешительными.

Мужчина перевел взгляд на советника Чжао Гана: тот внимательно следил за служанками, снующими среди высших чиновников, удостоенных права сидеть на совете, с чайниками в руках. Он вспомнил, что отравителя в тот раз так и не нашли, и поджал губы. Подняв глаза на приглашенного на совет главнокомандующего Вэя, отметил его противоречивый, полный мужества и скрытого смутения вид и слегка покачал головой. Генерал старательно избегал глядеть на гунчжу и внимательно изучал трещинки на деревянных досках пола.

Смотреть на Ли Шуан, чтобы понять ее состояние, не было необходимости: девушка сидела настолько близко, что он и так ощущал ее напряжение и отчаянную решимость, и отчасти догадывался, чем они вызваны. В последние недели принцесса почти каждое утро упражнялась вместе с наставником в развитии своего духовного ядра и достигла в этом успехов, однако сегодня ее ци снова текла беспокойно. Юй Шань еле слышно вздохнул: сейчас он ничем не мог ей помочь, со своими чувствами девушке придется справляться самой.

Наконец служанки закончили разливать чай и удалились. Советник Цзян откашлялся и решительно начал:

— Ваше Высочество, уважаемые советники, за эти дни я изучил сведения, предоставленные главнокомандующим Вэем. Также мой помощник Чжан сложил цифры по собранному в разных провинциях урожаю и переданных в казну налогов. В этой рукописи, — он обеими руками протянул тонкую желтоватую тетрадь, сшитую красной шелковой нитью, принцессе, — записаны все цифры и некоторые выводы, подготовленные советником Чжаном и проверенные мной. Я с ними полностью согласен.

Ли Шуан взяла тетрадь, открыла на первой странице, пробежала ее глазами, перелистнула до стройных рядов иероглифов с выводами. Гунцин почтительно ждал, пока принцесса ознакомится с переданными ей сведениями. Наконец она закрыла тетрадь и протянула ее Юй Шаню, а сама попросила:

— Советник Цзян, прошу озвучить основные свои выводы вслух для всех присутствующих.

— Если говорить коротко, Ваше Высочество, то состояние дел сейчас сложное. Мне бы не хотелось вас тревожить, но одержанная победа в войне дорого обошлась Цзин-го. Армия истощена и требует значительной финансовой поддержки. Обеспечить необходимым десять тысяч солдат встанет казне в четыреста тысяч лян серебром, а сейчас нет столько свободных денег. Из половины провинций сообщили об убытках из-за неурожая и не прислали в казну должных взносов. В то же время, если мы не сумеем удержать границу, освоить присоединенные к империи новые земли и наладить выгодные торговые отношения с севером, то через год — другой окажемся на пороге голодного бунта.

Юй Шань бросил взгляд на принцессу, и увидел, что она побледнела и закусила губу, сразу став похожа на ту, кем, по сути, и являлась — юной неопытной девушкой. Будто почувствовав на себе его взгляд, Ли Шуан обернулась и тихо произнесла:

— Советник Юй, разве не то же самое вы говорили мне несколько дней назад, но более в мягких выражениях?

Мужчина развел руками.

— Это правда, Ваше Высочество, но я всего лишь строил умозаключения, основываясь на обрывках слухов и наблюдений, а слова советника Цзяна подтверждены фактами. Сожалею, что мы, каждый по отдельности, пришли к столь неутешительным выводам.

— Советник Юй, — обратился к нему Цзян Вэньбо, — вы предсказывали раньше то же самое? Можно узнать, откуда вам стало известно о положении дел в империи и армии?

Юй Шань встретил тяжелый насупленный взгляд, не дрогнув.

— Советник Цзян, этот бедный даос не искоренил детский привычки иногда сбегать из дворца, чтобы послушать, о чем говорят в народе, — слабо усмехнулся он. — Тут и там я слышал про то, как тот или иной торговец разорился, а горожанин не смог купить мешок риса по прошлогодней цене. Что касается положения дел на северной границе, то и здесь не надо обладать особыми способностями. Слухи о том, что князь Лин Чэ недоволен подписанным миром и сразу же, как только императорское войско покинуло княжество, отправил гонцов к соседним племенам, дошли до столицы быстрее, чем добрался генерал Вэй. «Если из-за горы поднимается дым, значит, там огонь»[1].

Генерал Вэй Чжэн при этих словах, произнесенных даосом довольно сухим тоном, вышел в центр зала и тут же опустился на колени перед гунчжу.

— Ваше Высочество, прошу, издайте указ! Я вернусь на границу и не позволю Лин Чэ снова мутить воду! — Голос его прерывался от волнения.

Принцесса перевела взгляд на мужчину и сдержанно ответила:

— Сядьте, генерал. Пока мы не пришли к единому решению. Советник Цзян, — она отвернулась от Вэй Чжэна, — как я поняла, ожидать скорого пополнения казны не приходится. Но вы также говорили, что армия нуждается в средствах. Есть ли что-то, что мы можем предпринять?

Юй Шань поразился, как быстро Ли Шуан сумела справиться со своей растерянностью и собраться. Кажется, его наставления не прошли даром, да и кровь императорского рода сказывалась. Он тонко улыбнулся и опустил взгляд.

— Ваше Высочество, — вынужден был признаться Цзян Вэньбо, — я пока не нашел способа, как пополнить казну.

— Ваше Высочество, — встал вдруг со своего места Юй Шань. — Позвольте предложить кое-что. Я знаю, что молодой советник по фамилии Чжан, служащий в ведомстве господина старшего советника Цзяна, подает большие надежды. Он умный и внимательный чиновник. Отправьте его с инспекцией по западным и северным провинциям и, уверен, он сможет разобратся, только ли неурожай стал причиной недоимок или были и другие.

Советник Цзян при этих словах нахмурился: Чжан Е был его племянником, он пристроил его к себе на хорошее место и не собирался отправлять из столицы. С другой стороны, не мог же он прилюдно не пустить выбранного “правой рукой трона” человека? Коротко вздохнув, он склонил голову.

— Если вы издадите указ, мой помощник Чжан Е проедет с инспекцией по провинциям Цзин-го и, уверен, сможет разобратся, как и предлагает советник Юй. Знаете, как говорят? «Мышь, забравшаяся в трубку для денег, не найдет выхода». [2]

— Хорошо, — подумав, кивнула принцесса, — отправьте советника Чжана в провинции. Однако инспекция не принесет быстрого решения, а нам надо снарядить армию. Господа, прошу вас подумать еще.

В зале воцарилось напряженное молчание. Несколько младших советников, приглашенных на заседание и стоявших возле входа, тревожно заозирались, морщась и демонстрируя усиленную работу мысли.

Гунчжу поднялась со своего места, сделала несколько медленных шагов, заложив руки за спину, и так застыла, нахмутив брови. Эта, полная раздумий, поза так напомнила Юй Шаню отца девушки в его молодости, что мужчина еле сдержал усмешку. Тут Ли Шуан обернулась и решительно посмотрела прямо на своего наставника, и желание усмехаться у того сразу пропало.

Острый взгляд ясных глаз словно попытался проделать дыру в белоснежном ханьфу Юй Шаня.

— Есть еще один способ. Мы думали о нем все эти дни и нашли одно решение, хотя уверены, что вам оно не придется по вкусу. Советник Юй, наш отец, император Хуайди возложил на вас обязанность подобрать нам супруга для вхождения в титул императрицы. Прошу вас не затягивать с этим вопросом.

Ресницы Юй Шаня слегка дрогнули. К чему она ведет? До сих пор он не замечал в Ли Шуан нетерпения в желании сочетаться браком. Он молча склонил голову.

Советники без звука внимали негромкому, но твердому, подобно алмазу, девичьему голосу. Наследница императора Ли Вэйлуна сегодня на совете впервые выступила не как молчаливая слушательница мужских рассуждений, но как правитель с трезвым умом и стойким духом. Но никто из них не понимал, что же она задумала.

Обведя зал задумчивым взглядом, принцесса продолжила:

— Через несколько недель состоится церемония надевания шпильки совершеннолетия. Я войду в брачный возраст. Предлагаю сразу огласить дату свадебной церемонии. Советник Чжао, дайте распоряжение подобрать благоприятные дни в период, приличествующий такому событию, после окончания годового траура. — Она дождалась согласного поклона от Чжао Гана и продолжила: — На императорскую свадьбу дарят щедрые дары, их стоимость с лихвой превзойдет названную советником Цзяном цифру в четыреста тысяч лян. Объявим дату и сообщим, что все те, кто хотел бы проявить верноподданические чувства и поздравить меня с торжеством, могут прямо сейчас сделать свой вклад в оснащение императорской армии — лучшего подарка для меня сейчас сложно вообразить!

Принцесса снова обвела зал твердым, словно зимний лед, взглядом. Предложенный ею ход был немыслим, невообразим: поздравлять со свадьбой еще до объявления имени жениха, дарить девушке на свадьбу деньги на доспехи для солдат!.. Полное попрание традиционных устоев!

Однако под холодным взглядом гунчжу никто не осмелился возразить.

— Хорошо, я вижу, вы поддерживаете мое решение, — произнесла Ли Шуан. — В таком случае, господа, можете быть на сегодня свободны. Главный распорядитель Чжао объявит о дате следующего совета. Думаю, он состоится уже после церемонии совершеннолетия.

И, больше не глядя ни на кого из мужчин, девушка встала, выпрямилась и подобрала полы скромного белого ханьфу. Грубая белая ткань впервые показалась не просто данью траурной скорби, но символом нового света, взошедшего на престол империи. Ли Шуан повернулась и в окружившей ее оглушительной тишине вышла из зала.

[1] Цитата из «Дао Дэ Цзин», Лао-цзы; пер. с кит. В.В. Малявина. — Москва: Издательство АСТ, 2025.

[2] Там же. Советник Цзян, разумеется, не мог не знать, откуда цитата, но, будучи конфуцианцем, не мог себе позволить цитировать главный даосский труд и объявил это выражение «народным».

В дверях в покои принцессы даочжань столкнулся с багровым от злости Цзян Вэньбо. Тот вылетел, не разбирая дороги и чуть было не сбил подошедшего мужчину с ног. Вместо извинений советник прищурил глаза и процедил сквозь зубы:

— Чего вы добиваетесь, а? На чьей стороне вы играете, главный советник Юй?

— Вы забываетесь, господин главный советник Цзян, — голос Юй Шаня прозвучал холодно и отстраненно. — Если вы считаете, что я дал гунчжу сегодня плохой совет, то пойдемте спросим ее об этом вместе.

— Я внимательно слежу за вами, господин даос, — выплюнул Цзян Вэньбо.

— Весьма польщен, — насмешливо кивнул мужчина. — Рад, что вы столь бдительны. Такое рвение пойдет на пользу императорскому трону.

Не найдя с ответом, советник Цзян фыркнул и покинул дворец. Юй Шань закрыл глаза, медленно пробормотал про себя сутру для успокоения и распахнул дверь во внутренние покои принцессы, куда позволялось входить только самым доверенным лицам.

Ли Шуан стояла возле окна и смотрела на зимний пейзаж. Мастер проследил за ее взглядом и разглядел лишь голые серые ветви садовых растений и темнеющие столбы беседки безо всяких украшений на прозрачном бледном фоне неба. Строгий аскетичный пейзаж сейчас как нельзя более подходил серьезному выражению лица Ли Шуан.

— Ваше Высочество, — тихо позвал Юй Шань.

Принцесса обернулась и лицо ее озарила улыбка.

— Наставник! Как хорошо, что вы зашли навестить меня! Что скажете о сегодняшнем совете?

— Вы были очень убедительны, — слабо улыбнулся в ответ Юй Шань, и Ли Шуан покраснела от удовольствия.

— Советник Цзян очень разгневан, — вздохнула девушка. — Он считает, что вы слишком рьяно вмешиваетесь в дела его ведомства.

— «Густой туман не скроет благоухания цветов»[1]. Если старшему советнику нечего таить, то от инспекции может быть толк. До меня дошли некоторые слухи... Если советник Чжан и его миссия пройдут так, как задумано, а войско генерала Вэя удержит князя Лин Чэ от необдуманных шагов, вы сможете успокоить не только ваших советников, но и простых людей в пострадавших от неурожая провинциях.

Он немного помолчал, прошелся по темным доскам пола до второго окна, выходящего на открытую террасу перед дворцом, где виднелась замершая одинокая фигура генерала Вэя, обернулся к Ли Шуан и добавил: — Ваше Высочество удивили меня сегодня идеей, как собрать деньги на снаряжение армии. Не бойтесь, что простые люди слишком привержены традициям и попросту не поймут вас?

— Я надеялась, что вы меня поймете, — тихо ответила принцесса. Пальцы ее ухватили и стали тереть шелковую кисточку пояса. — И потом, «если вещь не годна для одной цели, ее можно употребить для другой»[2], так, кажется? Раз мой брак — это политический шаг, то пусть принесет пользу в укреплении границ страны уже сейчас. Вы согласны, наставник?

— Вам важно мое согласие, Ваше Высочество? — Брови Юй Шаня взметнулись, мужчина сделал произвольный шаг вперед, но тут же остановился.

— Да. — Ресницы Ли Шуан задрожали, и все же она подняла глаза. — Мастер Юй, я признаю, что сразу по вашему приезду встретила вас непочтительно, не так, как приказал император. Мне было неприятно думать, что какой-то неизвестный человек станет распоряжаться моими действиями и решит заменить мне отца.

— У меня и в мыслях не было... — искренне удивился тот, но принцесса оборвала его речь нетерпеливым взмахом рукава.

— Разумеется, нет! Я всего лишь боялась этого. Отец велел слушаться вас во всем. Но вы оказались гораздо моложе, чем в моих мыслях, и это меня сбивало с толку. И все же, вы

научили меня рассматривать и учитывать факты и характеры людей и принимать собственные решения. Благодаря вашим наставлениям я поняла, что лежит в основе искусства управления. Поэтому теперь я прошу простить меня за неразумное поведение.

— Ваше Высочество, я не заслуживаю ваших извинений. — Юй Шань отступил на шаг назад и опустил руки. На лице его заиграла неясная улыбка, когда он медленно проговорил: — Признаюсь, просьба императора оказалась для меня совершенно неожиданной и стала не из тех, что легко исполнить. Но если мои поступки принесли в итоге пользу, значит я не зря проделал этот путь и задержался во дворце.

Ли Шуан, затаив дыхание, слушала откровенные слова своего всегда холодного и сдержанного наставника.

— Ваше Высочество, — негромко добавил он, — вы совершенно верно сегодня заметили, что скоро вы вступите в возраст совершеннолетия, а значит, пора выбрать для вас достойного жениха.

Шуан порывисто шагнула вперед и сжала кисточку пояса пальцами так, что костяшки их побелели.

— Наставник Юй, вы... вы уже думали о том, кто это мог быть?

Юй Шань поднял взгляд и заметил тревогу в глазах девушки. Внезапно мужчина ощутил слабый укол в сердце.

— У Вашего Высочества есть особые пожелания? — сухо, вопросом на вопрос, ответил он. — Помнится, на прошлой неделе господин Чжао предоставил вам биографии нескольких сыновей благородных семейств Цзин-го, а до этого...

Ли Шуан фыркнула и отвернулась.

— Это все сильно напоминает торги в конских рядах на базаре, — тихо пробормотала она. — Если бы мне было позволено выбирать сердцем...

Она снова повернулась к Юй Шаню, будто проверяя его реакцию на ее последние слова, но тот сосредоточенно смотрел в боковое окно.

— Ваше Высочество, — наконец обернулся к ней наставник, — в течение следующих нескольких недель я назову вам имя выбранного кандидата и обосную его.

Принцесса растерянно кивнула, не сумев понять, советник не уловил ее намека или сознательно его проигнорировал?

— Есть еще кое-что, — нахмурившись, внезапно произнес Юй Шань, — я вспомнил, что хотел попросить вас проявить гостеприимство и оказать внимание принцу Лин Ци Сюю. Он одинок здесь в Запретном городе, да и уверен, что его жизнь в княжестве Ханьци не была веселее.

— О, этот варвар, — слегка поморщившись, безразлично ответила принцесса. — Я знаю, какие о нем ходят слухи: что отец отправил его сюда в Юнъань, скинув, как ненужную перчатку. Жу Сян сетовала как-то, что люди болтают об этом, говорят, будто таким образом князь Лин практически нанес нам оскорбление. Если он осмелится вновь повести войска на Цзин-го, как вы предсказываете, то принц Лин должен быть казнен, не так ли?

— Возможно, — пожал плечами Юй Шань, — и все же, пока он жив и не сделал вам ничего плохого. Сейчас он просто одинокий человек в чужой стране, ему стоит посочувствовать. Кроме того, мы с ним беседовали, и этот юноша меня заинтересовал.

— О, вот как, — откликнулась Ли Шуан и устало улыбнулась. — Хорошо, раз наставник просит, я проведу принца и даже приглашу его на свою церемонию надевания шпильки совершеннолетия. Это будет достаточно любезно?

— Вполне, благодарю, — кивнул даос и, слегка поклонившись, вышел из комнаты.

Тогда девушка перевела взгляд в то же окно, в которое смотрел Юй Шань, и увидела за ним Вэй Чжэна. Мужчина пристально разглядывал ее дворец, будто надеялся, что его заметят и позволят войти.

Ли Шуан закусила губу и принялась еще яростнее трепать кисточку своего пояса. Растерянность в ее глазах сменилась решимостью.

— Жу Сян! — позвала она, и из соседней комнаты тут же прибежала служанка. — Пригласи генерала Вэя пройти в мой сад. Он явно ждет меня, но звать его во внутренние покои было бы неприлично.

— Слушаюсь, Ваше Высочество. — Девушка поклонилась и тут же убежала исполнять поручение.

Принцесса в окно наблюдала за тем, как Жу Сян перемолвилась с генералом парой слов и повела его к садовой калитке. Что же, раз сегодня для Ли Шуан настал день решений, она наконец сможет прояснить еще одно дело!

Девушка сжала кулаки, собираясь с силами, и пошла к двери, ведущей в сад.

[1] Цитата из «Книги изречений» Тое Эйте, сборник «Афоризмы старого Китая» в переводе и редакции В.В. Малявина. — СПб: Издательская группа “Азбука Классик”, 2025.

[2] Цитата из «Дао Дэ Цзин», Лао-цзы; пер. с кит. В.В. Малявина. — Москва: Издательство АСТ, 2025.

3.

Генерал Вэй подул на замерзшие пальцы и поежился. День выдался по-зимнему холодным, ветер так и норовил пробраться под его распахнутый плащ. Наверное, все-таки стоило зайти в нэйши[1] дворца и попросить доложить о себе, но он не посмел.

Ли Шуан на сегодняшнем совете поразила его своей точностью в суждениях и твердостью в решениях. Он смотрел на гунчжу и видел ее отца, императора Ли Вэйлуна. Когда-то давно, когда самого Чжана впервые привел во дворец его отец генерал Вэй, император только вззошел на престол. Он был полон решимости навести порядок в доставшейся ему разрозненной стране и укрепить центральную власть.

Тогда, глядя в яркие вдохновленные глаза молодого императора, Вэй Чжэн поклялся про себя, что будет служить этому человеку до своего последнего вздоха. Так случилось, что императора в самом расцвете его лет и правления поразила черная лихорадка. Вэй Чжэна не было в Юньани, когда это произошло, не присутствовал он и при провозглашении Ли Шуан наследницей трона. В его памяти она всегда так и оставалась милой и нежной девочкой с ямочками на щеках и блестящими глазами в форме лепестков персика. Только когда он увидел девушку на троне ее отца в белом траурном одеянии, то понял, как она выросла.

Сегодня же мужчина в полной мере осознал, какая пропасть лежит между ними. А еще он ощутил стыд, и это чувство сжигало теперь его верную и честную душу. Хотя слова не были произнесены вслух, Вэй Чжэн и сам не мог не понимать, что достигнутый им на северных границах мир шаток, и достаточно ненадолго ослабить бдительность, как князь Лин Чэ постарается отыгаться и снова нападет. Оставленные там Вэй Чжэном два отряда воинов вряд ли смогут продержаться долго в случае нападения. Зимние холода пока сдерживали воинскую активность с обеих сторон, к тому же его армия была изнурена в долгой военной кампании — эти два довода заставили генерала прекратить продвижение и заключить мир.

Узнать по возвращении в Юньань, что Цзин-го находится в сложной ситуации, а в казне нет средств для поддержания армии, было больно. Но услышать, как Ли Шуан приказывает передать ее свадебные дары на нужды войска, было для него невыносимо! Ведь это он, генерал и мужчина, должен ее защищать и поддерживать! Однако вышло наоборот. Это осознание мучило его и заставило простоять два часа на холодном ветру в ожидании, что принцесса или ее слуги его заметят.

Услышав, как отворилась дверь, ведущая из покоев гунчжу в сад, Вэй Чжэн поднял голову и сделал два шага навстречу. Ли Шуан медленно шла по чисто выметенным серым кам-

ням в наглухо запахнутом белом плаще с меховой опушкой, и ее стройную фигурку обрамляли тонкие черные ветви голых деревьев, что росли по бокам садовой дорожки. Сверху нависало мрачными серыми тучами низкое зимнее небо. Все вместе выглядело так, будто безликий художник начертал на белом листе картину черной тушью. От вида хрупкой девушки с серьезным выражением лица в окружении суровой холодной природы сердце Вэй Чжэна болезненно сжалось.

— Генерал Вэй, вы хотели поговорить со мной? — Голос Ли Шуан вывел мужчину из оцепенения, и тот поспешно поклонился.

— Да, Ваше Высочество. Благодарю, что дали мне такую возможность.

Принцесса остановилась прямо напротив него и, словно заметив его смущение, мягко улыбнулась и подбодрила:

— Ну же, генерал Вэй! Мы знакомы с самого моего детства, можете говорить свободно.

— Благодарю, — снова повторил Вэй Чжэн и ощутил, как его, несмотря на пронизывающий холод, бросило в жар. Он откинул полы плаща за спину, набрал в легкие холодного воздуха и с чувством произнес: — Я ждал, чтобы поблагодарить гунчжу за жертву, на которую вы пошли ради меня и моего войска! Я в неоплатном долгу перед вами!

Принцесса нетерпеливым жестом остановила его.

— Генерал Вэй, я решительно не понимаю, о чем вы! О какой жертве вы говорите? Если про средства на оснащение армии, то напомним вам, что это императорские войска, и содержать их — долг правителя! А уж из какого кармана взяты эти деньги — не ваша печаль! Так что, — не дав мужчине вставить ни слова, продолжила она, — не хочу больше ничего об этом слышать!

— Ваше Высочество... — генерал снова попытался что-то сказать, но не смог подобрать слова и смущенно умолк.

— Вэй Чжэн, — слегка улыбнувшись, обратилась к нему по имени Ли Шуан, — в прошлую нашу встречу ты напомнил мне, что я уже не девочка, что я теперь наследная принцесса. Но, кажется, ты все еще относишься ко мне, как к девочке, которая решила отдать свои игрушки бездомному ребенку. Это не так. Ты был прав, и я и вправду выросла и отвечаю и за свои слова, и за их последствия.

Она замолчала и пытливо взгляделась в глаза замершего перед ней мужчины, будто пытаясь найти что-то особое в его взгляде. Вэй Чжэн ощутил, как тяжело ему стало дышать, а от следующих слов принцессы его дыхание и вовсе сбилось.

— Вэй Чжэн, ты ведь знаешь, что скоро я войду в возраст совершеннолетия, а затем должна буду выйти замуж, чтобы стать императрицей. — Ли Шуан говорила так медленно и тихо, как будто каждое ее слово весило сто цзюней[2]. — Главный распорядитель ритуалов Чжао уже составил список кандидатов в супруги, и советник Юй должен выбрать из них претендента на мою руку.

Девушка помолчала. Мужчина судорожно вздохнул и тихо ответил:

— Да, я это знаю.

Ли Шуан кивнула, прикрыла глаза и погрузилась в свои мысли. Вэй Чжэн хотел было сказать, чтобы она не беспокоилась и что советники Юй и Чжао не выберут для нее никого недостойного, как вдруг глаза принцессы распахнулись, и взгляд их обжег его, будто огонь.

— Вэй Чжэн, если ты захочешь, я провозглашу на гунцин, что выйду замуж только за тебя! — Смысл ее слов не сразу дошел до растерявшегося мужчины, тем более, что девушка произнесла их тихой скороговоркой. Горло сжало будто стальным обручем. Он не ответил. — Вэй Чжэн, ты слышишь меня?

Последний звонкий оклик наконец вывел его из оцепенения. Генерал рухнул перед Ли Шуан на колени, сложил руки, как при присяге, уперся взглядом в камни под сапогами принцессы и проникновенно заговорил:

— Ваше Высочество, этот недостойный не смеет сказать, что расслышал ваши слова! Вы — гунчжу, правитель великой империи, а я — всего лишь воин, пусть и в титуле главнокомандующего. Я всегда был предан трону и императору, вашему отцу, и клянусь до последнего вздоха помогать вам всем, на что хватит моих скромных умений. Но я бы никогда не посмел забыть о разнице наших положений и позволить себе мечтать занять место рядом с вами. Я ваш генерал, оружие трона, клинок и щит империи. Если вы прикажете умереть за вас, я так и поступлю.

Жар по-прежнему снедал его изнутри и, договорив, Вэй Чжэн почувствовал, что воздух разрывает его легкие. Он пошатнулся и поднял глаза на Ли Шуан. Иней, который теперь блестел в ее ответном взгляде, заставил мужчину содрогнуться от холода. Несколько секунд тишины показались ему вечностью.

— Благодарю за откровенность, генерал Вэй. — Тихий голос девушки, когда та заговорила, тоже оказался будто подернут льдом. — Мы понимаем, что вы беспокоитесь об оставленной вами северной границе и не будем препятствовать вашему скорейшему возвращению туда. Как только средства на оснащение войска будут собраны, мы передадим их в ваше ведение. Теперь ступайте скорее домой, на улице холодно.

Вэй Чжэн поднялся с колен, молча поклонился, развернулся и пошел к садовой калитке. Каждый шаг давался с трудом, будто к ногам привязали по гире. Ногти сжатых в кулаки пальцев впились в кожу, но он не ощущал боли.

Ему почудился тихий вздох за спиной, но он так и не посмел обернуться.

[1] Нэйши (##, Nèishì) — внутренние комнаты, частные комнаты дома, куда не приводят гостей (спальни, будуары).

[2] «Весом в сто цзюней» (####, bǎi jūn zhī zhòng) — цзюнь — примерно 15-18 кг, идиома обозначает ощущение неподъемной тяжести, груза ответственности или невероятной массы.

4.

— Ци Сюй, ты ведь знаком с шаманскими техниками? — Вкрадчивый голос юноша услышал прежде, чем увидел темный силуэт его обладателя.

За эти недели, что он брал уроки темной магии у демона, юноша приучился почти не вздрагивать при его появлении, хотя сдержать озноб ему не удавалось. Демон, велевший называть себя учителем Синь Мо, явно наслаждался производимым эффектом и всегда возникал внезапно. Сегодня он появился в комнате неожиданно рано, лишь только принц вернулся из библиотеки — еще не истек час Петуха[1], и за окном даже не стемнело.

Принц глянул на него исподлобья, пытаясь унять сердцебиение. Во рту пересохло, как всегда при виде его жуткого учителя. Он не ожидал, что демон придет так быстро, ведь они виделись только прошлой ночью. Вчера тот заставил юношу выйти из дома и пробраться в императорский зверинец, чтобы поупражняться в подавлении воли дикого зверя.

При этом воспоминании его снова передернуло. Он пережил ужасный опыт! Ци Сюй до сих пор не понимал, как им удалось свободно пройти к клеткам: то ли зверинец по ночам не охранялся, то ли демон каким-то образом усыпил стражников на расстоянии, но проход оказался свободен. Битых два часа он напряженно играл в гляделки с рысью, которую Синь Мо выпустил из клетки, соревнуясь с ней в силе воли.

Желтые светящиеся глаза с вертикальными зрачками настороженно изучали нового противника. Ци Сюй старался вытянуть всю боль, весь страх, который пропитал старые деревянные настилы и прутья клеток зверинца, а потом сжать собранную темную ци в подобие стрелы или дротика, чтобы запустить ее в сердце хищника. Но рысь оказалась истинной упрямцей и никак не желала подчиниться неокрепшей силе юноши.

Ци Сюй взмок от усилий прежде, чем сумел поработить волю этого гордого зверя. Он навсегда запомнил тот миг, когда желтые глаза будто подернулись серой дымкой, а затем хищная кошка заскулила, легла на все четыре лапы и так, скуля, поползла к его ногам, будто умоляя пощадить ее.

Когда же Лин Ци Сюй обернулся, чтобы услышать от учителя слова одобрения, то обнаружил, что тот попросту исчез! Пришлось ему самому загонять испуганную рысь в клетку, искать, чем бы ее запереть, и спешно возвращаться к себе, пока его не заметили.

И вот Синь Мо появляется на следующий день, как ни в чем не бывало, и спрашивает про шаманские техники!

— Ну, так что, тебя им учили? — нетерпеливо переспросил демон.

— Почему вы спрашиваете? — угрюмо ответил вопросом на вопрос Лин Ци Сюй.

— Мальчик, ты не в настроении? — хмыкнул Синь Мо, приблизился и встал прямо перед сидящим на кровати принцем, скрестив руки в длинных черных перчатках. — А может, ты забыл о воспитании? Вспомни, как положено приветствовать учителя?

С этими словами демон сложил вместе три пальца и приподнял руку, и Ци Сюй внезапно с грохотом слетел с кровати и оказался на коленях на полу перед демоном — словно невидимая волна подхватила его и вынесла вперед.

Юноша тут же вскочил и выпрямился, сжав кулаки.

— Какой яростный взгляд! — поцокал языком демон. — Вижу, игра в гляделки с кошкой тебе помогла. Жалеешь, что не можешь загнать в клетку и меня?

«Игра? — подумал Ци Сюй, скривившись. — Или изощренная пытка, борьба за выживание? Зверюга вполне могла вчера перегрызть мне глотку!» Однако он промолчал и опустил взгляд.

Синь Мо обошел принца и непринужденно уселся на его кровать. Ухватил край кисточки, украшавшей подушку, погладил ее и вдруг, с силой дернув, оторвал и отбросил на пол.

— Ци Сюй, ты, может быть, запомнил, что мы союзники? — мягко начал он. — Я напомню. Я — твой учитель и помогаю освоить темную магию, чтобы ты мог защитить себя перед врагами. А взамен я просил узнать, где находится известный в мире бессмертных артефакт, Лунный нефрит. Помнишь? Прошел почти месяц, как ты живешь в Запретном городе, но ты так ни с кем и не подружился! Потом, тебе ведь разрешен вход в библиотеку, где собраны все книги из распущенных прежним императором духовных школ. Неужели там не нашлось ни слова о такой великой ценности?!

Разумеется, он помнил! Но кого он мог бы спросить? Может, советника Юя?! Этот даосский мастер и так слишком пристально глядел на него и задавал при их встречах столько вопросов, что ладони потели от напряжения! Хорош бы он был, если бы тот застал его изучающим книги духовных школ!.. Инстинкт самосохранения все еще оставался самым главным побудителем всех действий принца. Ци Сюй дернул уголком рта, подумав, что и сам похож на рысь из зверинца. Одиноким, пойманный в клетку.

Быстрые шаги и стук в дверь на время избавили юношу от необходимости отвечать демону.

— Ваше Высочество, с вами все в порядке? Я услышал шум. — Голос слуги, приставленного к принцу, был лишен заботливых нот, скорее, он звучал сонно.

— Отошли его, — тихо приказал Синь Мо.

— Все хорошо, Сяо Доу, я просто оступился и задел кровать. Но вот что, раз ты здесь, — юноша подошел к двери и открыл узкую щелку, — прошу тебя, сходи к знахарю, попроси передать для меня средство от ушибов.

— К знахарю? — Парень презрительно сморщил нос. — В императорском дворце нет знахарей, мы же не дикари! В Запретном городе живет императорский лекарь.

— Тогда сходи к лекарю, — стараясь не выказать раздражения, терпеливо проговорил Ци Сюй. — Я сильно ушиб ногу.

— Ладно, господин. Схожу.

Парень небрежно поклонился и пошел к выходу. Принц затворил дверь и обернулся к Синь Мо. Насмешливый взгляд, которым смерил его демон, был хорошо замечен даже в полумраке комнаты.

— Мальчик, ты должен заставить этих людишек уважать и бояться себя! А ты даже этого паршивца приручить не можешь! Долго вчера ночью провозился с той кошкой?

— Она все-таки подчинилась мне! — вздернув подбородок, ответил Ци Сюй.

— Хорошо, — примирительно произнес демон. — Вернемся к шаманским техникам. Я всего лишь хочу узнать, сможешь ли ты показать пару фокусов из их арсенала, если до этого дойдет дело?

— Зачем? — все еще напряженно переспросил юноша.

— Видишь ли, советник Юй Шань — не дурак, и он действительно сильный мастер. Пока я присматриваю за тобой и скрываю твою темную ауру, которая уже начала проявляться вовне. Я обещал тебе, что твое демоническое ядро быстро сформируется — и не обманул!

Демон поднялся, подошел к юноше вплотную и впился в него взглядом.

— Вместе с темным ядром растет твоя ярость. А твоя обида и тяжелые воспоминания из детства питают ядро. Ты — и впрямь благодатный материал! Пока эманации темной ци удавалось скрывать, выдавая ее за влияние защитных амулетов народа Бэйхунь. Но мне надо отлучиться на несколько дней. Если мастер Юй в мое отсутствие почует неладное, тебе придется выкручиваться самому. Люди из Бэйхунь обладают самобытными шаманскими техниками. Они, конечно, не сравнимы с темной магией, которой учу тебя я, но основы у них схожи, это сможет обмануть даоса на время. Так что, тебе они знакомы?

— Няня в детстве научила меня паре простых приемов, — опустив взгляд, тихо ответил Лин Ци Сюй.

— Значит, справишься, — кивнул демон. — И не забывай, я жду сведений о нефрите! Найди их! И...

Демон вдруг умолк на полуслове и резко повернул голову к двери. Ци Сюй тоже услышал тонкий скрип плохо пригнанной половой доски. Синь Мо подбородком указал на дверь, Ци Сюй неслышно подкрался и резко распахнул ее. Не ожидавший этого Сяо Доу, подслушивающий снаружи, потерял равновесие и свалился ему под ноги.

— Мерзавец! Ты следил за мной?! — В окрике принца смешались страх и ярость.

[1] Час Петуха — от 17.00 до 19.00 по китайской системе исчисления времени (Википедия).

5.

Лин Ци Сюй ухватил незадачливого шпиона за шиворот и рывком поднял на ноги, вытряхнул из дверей спальни и снова швырнул на пол перед собой. Тот отполз на три шага и принялся усиленно кланяться, стуча лбом о доски пола.

— Говори, кто приказал тебе следить за мной?! Почему ты вернулся? Что ты делал у двери?..

Голос принца задрожал, он вдруг ощутил слабость в ногах. Сознание юноши помутилось при мысли, что его связь с демоном оказалась раскрытой. За такое его могли попросту повесить! По крайней мере, его отец, князь Лин Чэ точно казнил бы любого, кого заподозрили в демонических практиках. Няня, а затем служанка принца, Цюй Жань[1], и правда происходила из народа Бэйхунь, но тщательно это скрывала: князь до дрожи боялся, что какой-нибудь

колдун подберется к нему и поработит его волю. Вряд ли в Цзин-го отношение к таким вещам было мягче.

Ненавидя себя за охвативший тело страх, Лин Ци Сюй снова сгреб сжавшегося Сяо Доу за ворот, поднял и прижал к стене.

— Ты будешь говорить?

— Н-ничего, господин, я ничего не услышал! Я вернулся спросить, нужна вам мазь или припарки, и услышал только, как вы что-то произнесли и тут же распахнули дверь! Я ничего не знаю!

— Я говорю сам с собой, когда мне скучно, — медленно отчеканил принц, пытаясь не выдать себя голосом. Тут он вспомнил подернутые туманом глаза рыси с вертикальными зрачками. — Смотри мне в глаза! — приказал он хрипло, пробуя применить прием с порабощением воли теперь на человеке. Но парень в ужасе зажмурился и затряс головой. Ци Сюй распрямил ладонь и наотмашь ударил слугу по щеке.

— Смотри на меня, ну!

— Что здесь происходит? — резкий оклик заставил Лин Ци Сюя ослабить хватку. Выскользнув из его рук, Сяо Доу тут же снова упал на колени и склонил голову, обернувшись к вошедшей внутрь наследной принцессе Ли Шуан.

Принц ощутил, как сердце его пропустило удар. Девушка, на голову ниже его самого, смотрела сейчас на него с таким высокомерием, с каким, должно быть, цапля смотрит на ползущего по ее ноге жука.

— В-ваше Высочество, — пробормотал юноша, запинаясь.

— Чем провинился этот несчастный, что ты его так сильно ударил? — лед в голосе Ли Шуан мог бы заморозить целую площадь людей. Лин Ци Сюй поежился.

— Ступай вон, — негромко приказал он Сяо Доу, и тот мгновенно вскочил и, продолжая кланяться на ходу, сбежал к заднему выходу из дома.

На минуту в небольшом переднем зале дворца повисло напряженное молчание. Принц глянул на принцессу и опустил глаза к полу. Он пытался выровнять дыхание и успокоиться. О чем думала Ли Шуан, понять было сложно, но, судя по нахмуренным бровям и поджатым губам, это было что-то нелицеприятное для него.

— Принц Лин Ци Сюй, — наконец произнесла она безразлично, — мы пришли, чтобы провести тебя и пригласить на нашу церемонию надевания шпильки совершеннолетия. Она состоится через неделю. Поскольку стодневный траур по императору Хуайди еще длится, сама церемония будет строгой и скромной. Но мы надеемся, что ты примешь приглашение и соединишься к нашему празднику.

— Я?... — растерянно переспросил принц и поднял взгляд. Бровь Ли Шуан насмешливо вздернулась, и Лин Ци Сюй торопливо сложил руки перед собой в малом приветствии[2] и скороговоркой произнес: — Благодарю гунчжу за приглашение! Этот чужеземец польщен, что удостоился чести быть приглашенным на столь важную церемонию.

Принцесса коротко кивнула и собралась было уйти, как Лин Ци Сюй тихо ее позвал:

— Ваше Высочество, — он сделал шаг вперед и протянул было руку к Ли Шуан, но тут же убрал ее за спину, — Ваше Высочество, прошу простить за сцену, свидетельницей которой вы оказались. Я проявил несдержанность и сожалею об этом.

В ответ девушка лишь бросила на него беглый взгляд, как на неодушевленный предмет, отвернулась и, не произнеся больше ни слова, ушла из дворца Цветущей сливы.

Принц проводил ее взглядом, устало пожал плечами и вернулся в спальню. Демон ее уже покинул, и эта новость принесла юноше облегчение и придала сил.

Ли Шуан позвала его на свою церемонию совершеннолетия! Приглашение неожиданно согрело душу юноши: он и не думал даже, что наследная принцесса про него помнит. С того самого дня, когда гунчжу приняла его присягу, они ни разу не виделись. С одной стороны,

это полностью устраивало принца: чем меньше о нем вспоминали, тем в большей безопасности он себя ощущал. Ему с лихвой хватило нескольких бесед с советником Юем, каждая из которых походила на экзамен. Юй Шань интересовался его мыслями о прочитанных книгах, его мнением о разнице между даосскими, буддийскими и конфуцианскими воззрениями, о тактике обороны и нападения, о торговле между их странами — так, как будто принц Лин был не переданным по условиям мирного договора заложником, но посланником князя Ханьци в империи Цзин.

С другой стороны, монотонная и тоскливая жизнь в Запретном городе без возможности покинуть его уже начала сводить юношу с ума. Юй Шань оказался единственным, помимо Сяо Доу и демона, с кем общался принц за все дни, проведенные в Юньани. Однако он отчетливо понимал, что никто из этих троих не интересовался им самим по себе. Сяо Доу исполнял приказ главного распорядителя, а теперь, как выяснилось, еще и шпионил за ним, возможно, по его же просьбе. Демон видел в принце орудие достижения своей цели. А советник Юй... Что хотел выяснить и о чем думал этот бесстрастный даосский мастер, Ци Сюй не мог и предположить.

Сначала интерес Юй Шаня сильно нервировал его, но постепенно юноша к нему привык и уже не так пугался, а иногда даже увлекался, отвечая на вопросы советника и обсуждая с ним те или иные детали и изречения. Несколько раз, тренируясь или читая в одиночестве, он даже ловил себя на мысли, что ждет новой встречи с наставником Юй Шанем — единственным человеком, которому, казалось, было до него дело и который им интересовался. Но принц тут же гнал ее прочь, как слабость, которую он не имел права проявить.

Однако к приходу принцессы Ли Шуан во дворец Цветущей сливы Лин Ци Сюй оказался совершенно не готов. Как плохо вышло, что она застала его в такой неудачный момент!

Юноша поежился. Внезапно еще одна мысль пронзила его голову: на церемонию совершеннолетия не принято ходить без подарка! Если он заявится с пустыми руками, его репутацию невоспитанного варвара уже ничем не спасти! А уж что подумает о нем надменная принцесса!..

Вспомнив ее ледяной взгляд и холодный тон, Ци Сюй удрученно вздохнул. Он потереянно обвел полупустую комнату взглядом: среди его вещей не было решительно ничего подходящего, чтобы преподнести это в подарок наследной принцессе империи Цзин! Хоть демона проси помочь!.. Но тот сказал, что отлучится на несколько недель. Как же не вовремя!

Юноша опустился на кровать и обхватил голову руками, силясь придумать что-нибудь достойное внимания гунчжу.

[1] Цюй Жань (##, Qū Rǎn) — «Неспешная, изящная поступь».

[2] Малое приветствие, жест «Баоцюань» (##, bàojiàn lǐ) — традиционный жест приветствия и уважения в Китае, при котором правая рука сжимается в кулак, после чего на уровне груди касается раскрытой левой ладони (Википедия).

6.

Юй Шань сидел на низкой скамейке под крепкими голыми ветвями старой смоковницы в глубине Сада Процветания — той самой, которая слышала последний вздох императора Ли Вэйлуна. Мастер выбрал это символичное и самое тихое место во дворце, чтобы немного побыть одному и передохнуть.

Мужчина сделал глубокий вдох и закрыл глаза, но тут же открыл их и принялся рассматривать сухие черные ветви разросшегося дерева. Он помнил эту смоковницу еще тонким молодым деревцем — его посадили в тот год, когда Ли Вэйлун принял титул императора после скоропостижной смерти отца, а Юй Шань покинул дворец, чтобы отправиться учиться у бессмертного мастера. Яркие образы ожили в его памяти и затянули в размышления о прошлом.

Много лет назад, когда молодой император только вступил на престол, страна была сильно разрознена, провинции старались обособиться. В каждой из них существовали собственные духовные школы под началом даосских и буддийских бессмертных, и эти главы школ активно поддерживали местных князей, влияя на их мысли и поступки и ослабляя тем самым власть императора. Так случилось, что именно конфуцианцы оказались тогда главной силой, собравшейся вокруг императорского трона. Неудивительно, что Ли Вэйлун, желавший упрочить свою власть, выбрал это течение опорой для своего правления. Их постулаты стали той духовной основой, на которой новый император принялся сплочать империю.

Школа Лунного нефрита всегда стояла в стороне от политических игр, была малочисленна, но пользовалась признанием — благодаря огромному уважению, которое мир бессмертных испытывал к ее Главе и основателю Юэ Юю. Сам Юй Шань выбрал ее, случайно увидев когда-то в детстве этого удивительного человека, когда тот прибыл ко двору по какой-то надобности. Казалось, Юэ Юй распространял вокруг себя чистое сияние доброты и безмятежности, и этот свет навсегда остался в сердце мальчика. С тех пор юный ученик школы старался во всем следовать учению мастера даодзуня, чтобы суметь так же, как он очистить сердце и достичь его уровня духовной силы. Юй Шань делал успехи, и Юэ Юй видел в нем своего преемника — хранителя для бесценного артефакта, местонахождение которого было известно только ему.

Чтобы ничто не отвлекало его от духовных практик, Юй Шань даже отказался от должности Главы школы, которая повлекла бы за собой множество хлопот и решений, связанных с жизнью школы и наставлением учеников и отвлекало бы от главной задачи — накоплению силы, достаточной для того, чтобы управлять Лунным нефритом. Юй Шань остался в титуле простого старейшины и получил возможность уединения на пике Небесного света для медитации.

Императорский указ о закрытии школ, расколовший духовный мир империи, стал для Юй Шаня знаком, что лично он не справился, не сумел донести свет, переданный ему учителем, до сердца бывшего друга, не нашел подходящих слов. Эта вина тяжелым грузом давила на его плечи все долгие годы. И мастер возвел вокруг своего сердца стену из камня и льда, никому больше не позволив тронуть его, а его вине просочиться наружу.

Когда школу Лунного нефрита, как и все остальные, закрыли, он так и остался в своем уединенном горном домике. Ведь нефрит все еще находился в школе, и его миссия все еще была важна для сохранения спокойствия в Цзин-го. К сожалению, нарушение баланса духовных сил отразилось на состоянии дел империи. Даос старался воспитать в себе бесстрастность и безмятежность, чтобы поскорее овладеть силой нефрита, ведь задачей этого артефакта было, ни много, ни мало, как поддерживать распростертую над империей благодатную ци и способствовать процветанию страны. Кто бы мог подумать, что в итоге Юй Шаню придется покинуть пик для того, чтобы оказаться втянутым в управление страной, решать множество мелких и незначительных и важных и запутанных вопросов! Да, Ли Вэйлун знатно подшутил над бывшим другом.

Когда Юй Шань читал последнее письмо императора, обращенное к нему, такое сухое и бесстрастное, ему стоило немалого труда не разорвать невинный пергамент тут же на клочки. В тот момент он с удивлением понял, что обида на Ли Вэйлуна с годами не утихла. Теперь мужчина мог себе признаться, что принял просьбу императора о возвращении во дворец в том числе для того, чтобы присмотреться и, возможно, найти способ отомстить за унижение целого мира духовных школ. За свое унижение. Какое недостойное желание для мастера, почти достигшего бессмертия!..

Он усмехнулся и открыл глаза. Посмотрел наверх, в такое удивительно чистое и прозрачное для зимнего дня небо, и прошептал:

— Ли Вэйлун, ты уверен, что не ошибся, когда позвал меня на помощь?..

Юй Шань не ожидал, что по прибытии во дворец так быстро погрузится в водоворот оставленных после себя императором дел и так сильно заинтересуется юной наследницей трона. Эта девочка, иногда по-детски наивная и порывистая, очень быстро училась мыслить категориями пользы для своей страны, а точность ее суждений и смелость решений иногда поражали и самого Юй Шаня. Пожалуй, Ли Вэйлун сумел вырастить из дочери достойную приемницу. Оставалось лишь огранить этот алмаз, чтобы он засиял, и прочная власть утвердилась на престоле Цзин-го — интересная задача для духовного мастера!

Как бы ни относился Юй Шань к бывшему другу, он понимал, что империи нужен сильный правитель. И, хотя поначалу мастер испытывал сомнения по поводу того, кто должен им стать, сейчас Ли Шуан казалась ему самой подходящей кандидатурой. А вот кто окажется рядом с ней? У Юй Шаня уже появились соображения на этот счет, но он пока медлил, не спеша их раскрывать никому, даже самой принцессе.

С Ли Шуан мысли даочжана естественным образом перешли на Лунный нефрит, артефакт, призванный поддерживать спокойное течение духовных сил в империи.

Обнаруженное в Лунном нефрите повреждение беспокоило мастера. Багровое, кровавое пятно в центре безупречного артефакта означало, что чистота его ци нарушена. Вместилище силы, должное охранять империю, оказалось теперь под угрозой. Юй Шань сначала счел появившийся изъян последствием охватившего страну беспорядка и нарушения гармонии из-за смерти императора: событие такого значения не могло не повлиять на равновесие мироздания.

Позже, попав в храм в иллюзию и став свидетелем странного спора между богом войны и демоном, ставкой в которой стал Лунный нефрит, мастер решил, что это их жажда овладеть камнем нарушила целостность артефакта. Но могли ли эти высшие сущности причинить прямой вред камню? Защита его не ослабела, да и вряд ли они смогли бы найти тайник, созданный Юэ Юем. И демоны, и боги низшей иерархии, к каким относился увиденный мастером бог войны, были ограничены в своих в силах и возможностях, находясь в земном слое мироздания. И все же, подслушанный в иллюзии разговор встревожил Юй Шаня. Кто и с какой целью не затеял бы этот спор, в жажде завладеть нефритом эти высшие силы наверняка устроят беспорядок и смущение в людских умах. А значит, следовало попытаться понять, что за высшие существа устроили эту игру и как им противостоять. Поэтому все свободное время мужчина проводил в библиотеке, изучая редкие записи, попавшие в императорский дворец из хранилищ духовных школ.

Юй Шань нахмурился, вспомнив, что только вчера ночью он нашел описание демона в летописи одной из буддийских школ. Их монах записал, что пережил случайное столкновение с демоном по имени Синь Мо, и оно очень походило на виденное им в иллюзии существо в черном. К тому же Юй Шань запомнил, что именно это имя произнес и его соперник у игровой доски.

В записях монаха демон по имени Синь Мо был назван хитрым и вероломным. Мастер писал, что тот никогда не действовал напрямую, заставляя сердце жертвы утонуть в сомнениях и дурных эмоциях, таких, как страх, ненависть, зависть. Это приводило к скоплению темной ци, которую при умелом руководстве можно было в довольно короткий срок превратить в демоническое ядро. Его обладатель становился опасным противником: его собственные умения усиливались темной ци, и он мог противостоять мастерам, практикующим развитие светлой ци в духовных практиках.

Нахождение этих записей стало шагом вперед в поисках даоса. Зная имя, облик и особенности силы демона, Юй Шань мог бы сплести заклинание призыва и поговорить с ним, но он не спешил это делать. Во-первых, даже если бы его силы хватило на такой ритуал, заставить эту высшую сущность правдиво отвечать на вопросы мастер скорее всего не смог бы.

Затем, необходимо было понять, с кем демон вступил в игру? Он назвал своего соперника Чжань Шэнь, но это означало всего лишь «Бог Войны», а не зная истинное имя, мастер не смог бы призвать высшее существо даже для простого разговора.

И наконец, Юй Шань не был уверен, что нарушение ци Лунного нефрита было связано именно с их вмешательством. Камень по-прежнему находился в безопасности, и это давало мастеру возможность тщательно разобраться во всем происходящем. Вот только свободных минут у него почти не было. Мужчина и подумать не мог, что дела во дворце и наставление принцессы отнимут у него столько времени и сил!

Он устало потер переносицу. Да, за почти два месяца пребывания на посту советника он смог глубоко погрузиться в дела всех императорских советников и понять, какие подводные течения есть в Запретном городе, кто верен трону, а кто больше всего верен своему кошельку. Разумеется, полностью исправить положение дел и вывести всех, кого было должно, на чистую воду за такой короткий срок Юй Шаню бы не удалось. Но все же он смог заставить нескольких чиновников перейти на его сторону. Также он сумел понять, что положение дел в южных провинциях не соответствует переданным их главами в столицу рапортам. Собственно, это и послужило причиной назначения инспекции.

Юй Шань вздохнул. Отношения с его бывшим учителем, старшим советником Цзяном оказались натянутыми с самого его появления во дворце, и он остерегался открывать ему свои планы. А молодой советник Чжан Е, хоть и был скрупулезным чиновником, подающим надежды, но сможет ли он справиться и сыграть при инспекции так, как нужно Юй Шаню? Мужчина не был в этом уверен. Что же, нет смысла беспокоиться о том, чего не можешь исправить. Придется выждать и понаблюдать еще, а затем в нужный момент вмешаться.

И еще надо было позаботиться об отправлении Вэй Чжэня на границу с достаточным сопровождением. С этого гордого генерала стало бы вскочить на коня с саблей в одной руке и императорской биркой в другой и так и ускакать одному, лишь бы поскорее исполнить свой долг, как он его понимал!

Слишком много забот, слишком много волнений! Разве к этому он готовился много лет своей жизни? Юй Шаню даже стало казаться, что его собственная духовная сила уменьшилась, когда он погрузился в заботы и события жизни в Запретном городе.

Даос усмехнулся и покачал головой. «Знающий людей разумен. Знающий себя просвещен. Побеждающий людей силен. Побеждающий самого себя могуществен».[1] Придется усмирить себя и сделать, что сможет. А в том, что не сможет, положиться на волю судьбы. Он сомкнул веки, сложил пальцы в сутру умиротворения и замер так на некоторое время, успокаивая встревоженный размышлениями разум.

Выпрямившись, Юй Шань открыл глаза, поднялся на ноги, заложил руки за спину и медленно направился в сторону дворца наследной принцессы. Ничто больше в безмятежном облике даоса не могло дать понять, что только что его ум и дух пребывали в смятении.

[1] Цитата из «Дао Дэ Цзин», Лао-цзы; пер. с кит. В.В. Малявина. — Москва: Издательство АСТ, 2025.

7.

Земли за рекой Цзехэ уже были покрыты ровным полотном снега. Река словно не только поделила земли Цзин-го и княжества Ханьци, но и разделила природу на осеннюю и зимнюю: багряно-медную с белыми снежными прогалинами по южному ее берегу и искрящуюся бело-голубую с серыми вкраплениями гор — по северному.

Синь Мо оглядел раскинувшийся под ним неровный пустынный пейзаж в серо-белобурых тонах и усмехнулся.

— Что за печальный, безжизненный клочок земли! Этого Лин Чэ можно понять. Равнины Цзин-го плодоносны, и даже горы, лежащие к востоку от столицы, гораздо приятнее, чем эти удручающие серые скалы! Да и ци в этих краях несоизмеримо мало. Хотя, кажется, князь не любит демонов и последователей темного пути?

Глаза его блеснули багровым светом и сузились, а тонкий рот снова растянулся в хищной ухмылке. Демон мягко оттолкнулся от скалы, на которой стоял, и поднялся в воздух.

Он добрался до княжеского дворца после того, как улицы города скрыла ночная мгла. Небо сегодня было пасмурным, ни одна звезда не освещала путь. Внизу на улицах тоже было темно: фонари не горели. Лишь редкие мерцающие пятна света виднелись вокруг стены, окружавшей дворец: то ночная стража совершала положенный обход, проклиная в полголоса зябкий зимний ветер.

Стража Синь Мо не беспокоила: невидимый обычным смертным, он бесшумно проскользил по воздуху к высокой ограде, оттолкнулся ногой от каменной кладки и перепрыгнул на крышу самого высокого здания. Прислушался на миг, определил по скоплению хищной, властной ци спальню князя, опустился перед его дверями и без усилий навел на охрану сонное ощущение.

Князь уже спал, завернувшись в огромное покрывало из драгоценных звериных шкур. Синь Мо остановился прямо широкой кроватью из черного лакированного дерева и изучающе глянул на его лицо. Покрытое морщинами и шрамами, с грубой кожей, на которой тонкими нитями выделялись черные усы, с упрямой вертикальной складкой между бровей и такими же упрямо поджатыми губами. Казалось, и во сне этот человек был подозрителен и готов к драке.

Бросив мельком взгляд на сжавшуюся в комочек в углу кровати наложницу, демон равнодушно отвел взгляд. Эта запуганная до полусмерти девушка ничего не значила и не могла ему помешать. Демон присел на край кровати, протянул руку в черной перчатке из тонкой змеиной кожи над головой Лин Чэ и принялся за работу.

— Посмотрим, чего ты боишься? — пробормотал он вполголоса и тут же презрительно скривился: — Ха, как предсказуемо! Грозный князь боится предательства и что его собственные сыновья отнимут его трон. И демонов, о да, слухи оказались верны. Что ж, князь, ты сам выбрал свою судьбу! Будет забавно за тобой наблюдать!

Демон замолчал и стал плести замысловатый узор из понятных одному ему мудр, которые порождали сгустки темной ци. Эти сгустки постепенно выстроились в дымчатую сеть, которую демон накинуд на голову князю. Тот слегка дернул головой и поморщился во сне, когда сеть впилалась ему под кожу, как тушь впитывается в пергамент.

Еще раз оглядев дело рук своих внутренним взором и заметив, что сны князя тут же сменились, Синь Мо удовлетворенно качнул головой.

— Надо же, как легко оказалось тебя одолеть! Твой младший сын сопротивлялся мне месяц, а ты так быстро сдался, о могучий воин! — злорадно прошептал демон и вышел из покоев князя.

Он замер на террасе, не удостоив сонно привалившихся к стене стражников и взглядом. Поводил головой в разные стороны, как будто что-то искал, и устремился к небольшому дому в восточной части дворца, где традиционно проживал старший сын и наследник правителя. Там он пробыл не больше четверти часа, а затем посетил еще один дом, в южной стороне. Напоследок демон нашел хранилище, в котором было сложено оружие княжеского войска.

— Лучше бы предусмотреть все варианты, да, мой мальчик? Ци Сюй, ты еще скажешь мне спасибо! — ухмыльнулся Синь Мо, выбрал один колчан со стрелами и произвел над ним какие-то манипуляции. По древкам стрел будто пробежали багровые искры, наконечники загорелись ярким пламенем, но тут же оно угасло, и стрелы уже вновь на вид ничем не отличались от себе подобных.

— Ну вот и все, в Ханьци мои дела закончены! — возвестил в тишину ночи демон и взмыл в чернильное небо.

— Синь Мо! — Внезапный громогласный рык заставил демона вздрогнуть и прервать полет. Изящно опустившись на ближайшую верхушку скалы, демон обернулся и прищурился.

— Чжань Шэнь! Не ожидал тебя здесь увидеть! — процедил он, изобразив неискреннюю улыбку.

— Да неужели? Подумай сам, где и быть богу войны, как не в месте битвы, которая вот-вот разразится? — Его вечный соперник и соратник величественно опустился рядом, и доспехи его блеснули в едва занявшихся рассветных лучах красной медью.

<https://shedevrum.ai/post/cddb076935e211f1bf617e4cfbb5162c/>

8.

— Значит, сделал ставку на генерала Вэя? — покачал головой Синь Мо, повертев в руках фигурку мужчины в боевых доспехах. Они с Чжань Шэнем удобно расположились в той же комнате, где заключили пари несколько месяцев назад. В этих покоях, расположенных в небесной выси, ничего не изменилось, только игровое поле теперь оказалось раскрашено в багряно-золотые тона и присыпано кое-где будто белой пудрой. — Конечно, кого бы тебе еще выбрать!

Услышав презрительный смешок, бог войны досадливо поморщился.

— Этот Вэй Чжэн оказался полностью лишен честолюбия! Такой, знаешь, верный слуга — ни амбиций, ни желания возвыситься! Я думал, он захочет стать супругом императрицы, а приняв титул, сможет приказать доставить нефрит во дворец! Но тот будто не понял ни одного моего намека, твердолобый упрямец!

— Да уж, не повезло! И поэтому ты решил попытать счастья в варварских племенах? — Синь Мо даже не пытался скрыть ехидные нотки в голосе.

— Я решил, что надо устроить знатную заварушку! Если империя окажется в опасности, им придется извлечь из тайника свой драгоценный охранный артефакт! — Мужчина так возбудился, что со всей мочи ударил кулаком по столу. Фигурки людей подпрыгнули и упали. Синь Мо сочувственно покивал ему.

— Мысль в целом неплохая, я и сам к ней пришел. Так что спасибо, братец, что полил воду на мою мельницу! — Он заметил, как непонимание во взгляде Чжань Шэня сменяется задумчивостью, и сухо рассмеялся. — Да, я тоже решил, что короткая судьбоносная война нам не повредит! Только зашел с другого конца.

— Точно, ты же был в Ханьци, когда мы встретились! — припомнил тот. — Решил подбить князя Лин Чэ на новый поход?

— Того и подбивать не надо, спит и грезит, как отвоюет свои земли назад и еще кусок прихватит, аж до Юньани! — хмыкнул демон. — Нет, я сделал ставку на другого Лина. Но пока не стану тебе раскрывать свой замысел. Скажу только, что мой план будет похитрее твоего.

Бог войны вопросительно глянул на него, но быстро понял, что Синь Мо не собирается делиться своими соображениями.

— Но все же одну мысль я тебе подкину, — протянул демон. — Как думаешь, почему, когда шла предыдущая война, нефрит не был извлечен? Империя пережила несколько сложных лет и оказалась сейчас в плачевном состоянии. Разве не проще было бы использовать артефакт сразу?

— Откуда мне знать, — раздраженно буркнул Чжань Шэнь. — Ты забыл, что я тогда еще не пробудился от магического сна, в котором исцелял раны?

— И впрямь, ты не застал последнюю войну, как жаль, — с деланным сочувствием поцокал языком Синь Мо. — А я вот, знаешь ли, не поленился, навестил нескольких духовных мастеров, поговорил, с кем смог. И вот что я понял, — он оперся руками на стол, наклонился вперед и вперил взгляд в соперника: — они не знают, ни где он спрятан, ни как его призвать!

— Как так? Но ведь мать сказала... — ахнул бог войны, но тут же осекся и закрыл рот рукой.

— Мать и сама этого не ведает. Поэтому и попросила меня найти нефрит. — Увидев округлившиеся в изумлении глаза, демон хмыкнул. — А ты думал, я не знаю, зачем и для кого тебе нужен камешек на самом деле? Затем же, зачем и мне! И искать я его начал на пару лет раньше! Так что скажи спасибо, что я согласился на это детское пари и вообще сижу тут, подкидывая тебе сведения и идеи!

— Вот, значит, как, — насупился Чжань Шэнь.

— Не горюй, братец! Мать хитра и никогда не кладет все яйца в одну корзину, мог бы уяснить за столько лет. Но ты у нас ведь не отличаешься стратегическим умом. — Демон потянулся и встал. — Пожалуй, дам тебе напоследок совет. Не пренебрегай женщинами! Ты все еще веришь, что истинный герой — это могучий и умелый воин с мечом в руке? Но решимость, честолюбие, сила воли свойственны и женскому полу. Надо только найти правильную женщину.

Синь Мо скорчил ироничную рожу, взмахнул рукой и исчез из комнаты, оставив после себя лишь серебристое облачко. Чжань Шэнь передразнил его усмешку и проворчал вполголоса:

— Легко тебе говорить, Синь Мо! Ты знаешь все людские страхи и слабости, читаешь в их сердцах, как в книге! Я-то никогда не был силен в интригах, да и в людских чувствах не разбираюсь! Женщину найти, хм. Да и не так много силы я пока сумел собрать. Шутка ли, влезть в голову женщине и на что-то уговорить! Жаль, что действовать среди смертных напрямую мы не можем, лишь через их мысли и сны! Да, придется потрудиться!..

Он потыкал пальцем в одну женскую фигурку, лежащую на игровой доске, затем в другую и глубоко задумался.

Глава 5. Церемония совершеннолетия

1.

— Дядюшка, как же я рада, что ты наконец-то вспомнил и обо мне! — Чжао Ган невольно поморщился, уловив в этом приветствии Ван Янь гуйфэй густую ноту сарказма.

Молодая привлекательная женщина тем временем вышла из крытой повозки и, не задерживаясь, прошла внутрь дворца Изысканности — дома, в котором традиционно селили императорских наложниц. Советник Чжао подождал, пока из повозки вылезла служанка и помогла спуститься тщедушному мальчику лет двенадцати, плотно укутанному в стеганый халат на меховой подкладке, поклонился сыну императора Ли Миню[1] и вслед за ним прошел во дворец.

— Ну, рассказывай! — скинув плащ и ухватив обеими ладонями чашку с горячим чаем, потр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.